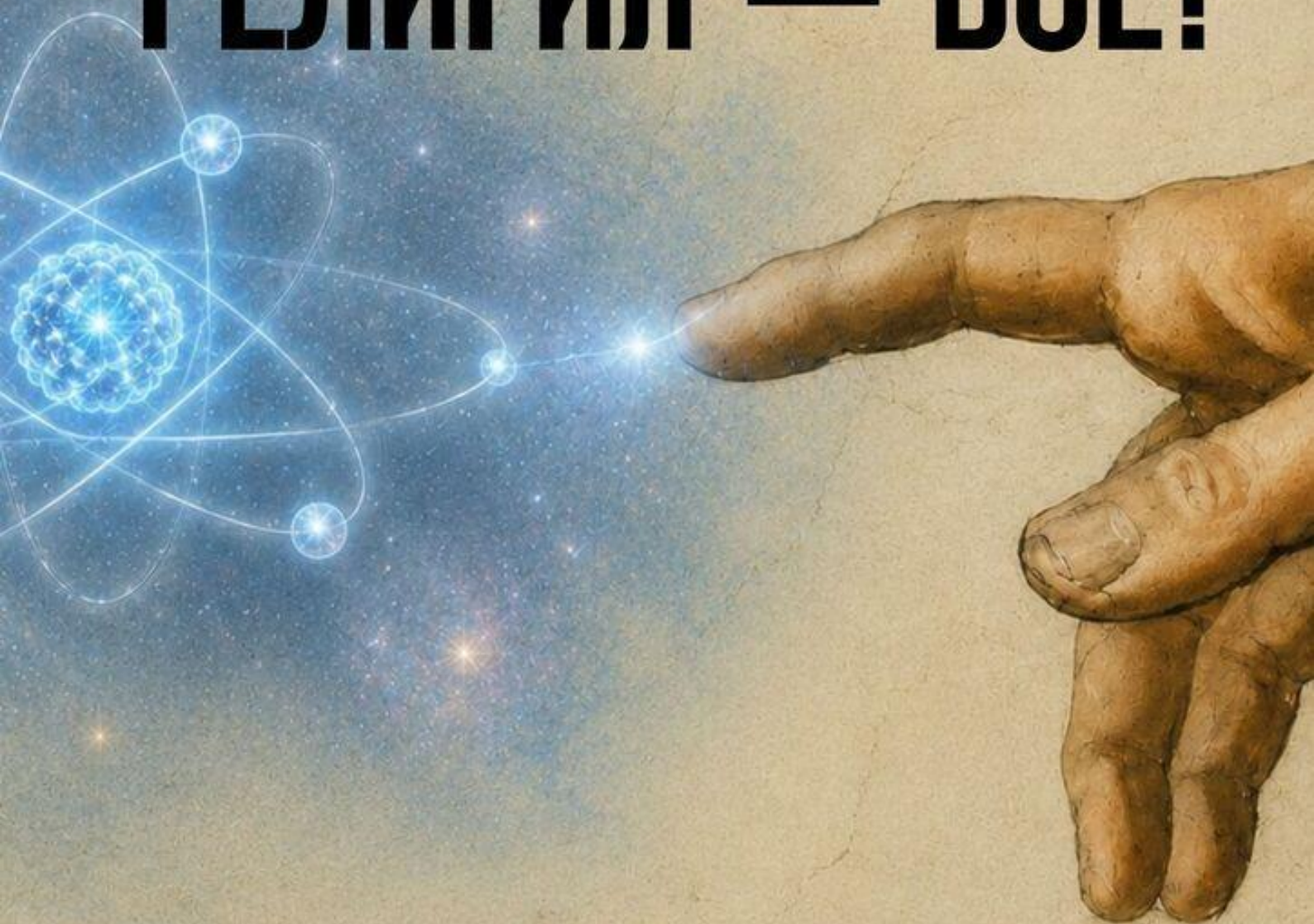

18+

Священник Максим Ткаченко

РЕЛИГИЯ — ВСЁ?

**РАЗМЫШЛЕНИЯ СВЯЩЕННИКА
ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЫЗОВОВ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

Священник Максим Ткаченко

**Религия — всё? Размышления
священника перед лицом
вызовов современной науки**

«Издательские решения»

Священник Максим Ткаченко

Религия — всё? Размышления священника перед лицом
вызовов современной науки / Священник Максим Ткаченко —
«Издательские решения»,

Представьте, что главный конфликт XXI века — не между наукой и религией, а между знанием и предубеждением! Эта книга разрушает привычные стереотипы, заставляя иначе взглянуть на происхождение Вселенной, природу человека, границы науки и возможность существования Бога. Без предвзятости, без упрощений и готовых ответов — только факты, наука и богословие, после которых прежняя картина мира уже не кажется такой очевидной.

© Священник Максим Ткаченко

© Издательские решения

Содержание

Анекдот и притча	7
ЧАСТЬ I	10
Я Тот, Кто Я есть	10
Инфузории-туфельки	13
Теория Калуцы-Клейна	17
Природа агрессии	20
Область теологумена	26
Троица в физике и математике	28
Троица в логике	32
ЧАСТЬ II	34
Смена парадигм	34
Тончайшая настройка	38
Бритва Оккама	41
В голубом вертолете	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Религия — всё?

Размышления священника перед лицом вызовов современной науки

Священник Максим Ткаченко

Книгу эту я начал писать 30 ноября 2025 года, в день начала Адвента — предрождественского периода в западной христианской традиции — будучи движимым желанием познавать и делиться и вдохновляясь словами Псалмопевца Давида: «Небеса провозглашают славу Божию, о творении рук Его вещает их свод. День ото дня изрекают они, каждую ночь являют познание» (Пс. 18:2,3).

Обложка ChatGPT

© Священник Максим Ткаченко, 2026

ISBN 978-5-0070-6864-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УВЕРТЮРА

Мне ветер трижды сбросил одеяло.
Я просыпался, тихо к окнам брел.
Раскинув створки, к небу устремлялся,
Желая воспарить, словно орел.

Ах, нет! Господь мне крыльев не изволил!
И не рассечь мне воздух от пера.
Лишь тяготеть могу и к тверди быть прикован,
Живя под кровом черного шатра.

Но взгляд вздымая, в звезды проникая,
Я утопал средь их алмазных зим.
Шатер мне обернулся океаном.
В бескрайнем бытии лишь я один.

Лететь мне вглубь хоть десять тысяч жизней,
Найду ли где такого же, как я?
Познал ли кто-то слезы, страх и скорби?
Прошла ли боль те грани бытия?

Стоял... Смотрел... Так мал и неприметен.
И на Земле мы все наперечет.
Поведай мне, алмаз глубоких далей,
Неужто там ответ никто не ждет?

Стоит ли кто-то, также ввысь вздымаясь,
Вопрос вселенский небу принося?
Скользит ли в чьих глазах дыханье жизни?
Покой твой статный звуком оглася...

Анекдот и притча (вместо предисловия)

Я надеюсь, уважаемые читатели простят мне эту небольшую вольность и позволят начать разговор о столь серьезных вещах со старого и, на мой взгляд, не очень смешного, но остроумного советского анекдота, что, как мне кажется, прекрасно иллюстрирует ключевую идею, которая красной нитью протянется через все наше повествование.

«Молодой комсомолец повстречал в вагоне электрички православного священника. Удивившись и даже несколько возмущившись присутствию столь неожиданного попутчика, юноша с изрядной долей надменности без обиняков заявил спонтанному собеседнику:

— А знаете ли Вы, уважаемый, что советский человек, властитель науки и техники, ни в какого Бога не верит?

Нисколько не растерявшись, священник немедленно ответил своему незваному оппоненту:

— Конечно! Вы глубоко правы! Видите ли, в такого бога, в какого не верите вы, мы, христиане, тоже не верим».

Пожалуй, будет не лишним снабдить эту остроту еще одной, но уже реальной и имевшей место в императорской России в середине XVIII века. Галантный Екатерининский век постепенно становился все более и более равнодушным к религии. Для двора куда больший интерес представляли разного рода оборочки, фижмы да светский этикет. В ту пору гостил в Петербурге французский философ-просветитель Дени Дидро. На одном из дворцовых приемов он, слегка перебрав с вином, сцепился с митрополитом Платоном (Левшиным) и решил поупражняться в остроумии.

— А известно ли святому отцу, что Бога нет, как сказал Жан Мелье? — Не унимался философ.

— Так это еще прежде него было сказано. — Невозмутимо парировал архиерей.

— Кем же? — Опешил Дидро.

— Так еще тысячи лет назад. Пророком Давидом: *«И сказал безумец в сердце своем: „Бога нет!“»* (Пс. 13:1).

Я полагаю, две эти истории чудесным образом дополняют одна другую. Они красноречиво описывают удивительную склонность человеческой природы придавать Создателя забвению, полагая Его ненужным и, что еще печальнее, неудобным для себя. Не будем здесь пускаться в обличения, преисполняясь праведного гнева. Было бы крайне опрометчиво утверждать, будто бы все материалисты поступают так сознательно и по злему умыслу. Среди неверующих встречается очень много достойных и глубоко порядочных людей. В наши дни представителей воинствующего атеизма, сугубо идеологически ненавидящих религию, почти и не сыщешь. Большинство искренне полагает, что взгляд на мир, предполагающий идею Творца, просто-напросто устарел, будучи вытеснен современным научным знанием, шагнувшим, кстати говоря, далеко вперед за последние полтора века.

Подход этот, надо заметить, возник отнюдь не вчера. И упомянутый нами Дени Дидро, и тот юноша-комсомолец из старого анекдота считали себя людьми в высшей степени просвещенными. Объединяло их одно: чрезвычайно однобокая просвещенность. Увы, но все то же самое продолжается и по сей день.

Мысль написать данную книгу пришла мне в голову в тот момент, когда я погрузился в плотное изучение основ астрономии, астрофизики и даже в какой-то степени квантовой меха-

ники, воодушевившись успешным выпуском первого потока моего авторского курса по Критическому богословию¹.

Слушая выступления выдающихся специалистов, кандидатов и докторов наук, отечественных и западных популяризаторов науки, я не мог отделаться от мысли, что все эти люди, считающие себя научными атеистами, на самом деле мало чем отличаются от верующих. Разница заключается лишь в том, что именно они подразумевают под предметом веры, не поддающемуся рациональному объяснению. Я надеюсь, этот мой тезис я смогу более подробно развить на страницах данной книги. Пока же ограничусь простым умозаключением: наука с едва ли не большей частотой, нежели религия, оперирует категориями в духе «этого мы не знаем», «это вопрос убеждений», «здесь заканчивается рациональное познание», «это находится вне границ нашего понимания».

Более того, пролистывая книгу британского физика-теоретика Стивена Хокинга «Теория всего» и останавливаясь на ключевых тезисах, я в буквальном смысле был шокирован тем, как автор из раза в раз фактически вплотную приближается к «Божьему лицу», но всякий раз делает на удивление неуклюжий финт, чтобы уклониться, но все равно остаться на позициях неизвестного и недоказуемого². Сам ученый при жизни так и не познал Того, Кто есть «*Путь и Истина и Жизнь*» (Ин. 14:6), и я искренне верю этого человека Божьему милосердию.

Так или иначе, мы живем в XXI веке, ознаменованном множественными научными открытиями, технологическим прогрессом и изрядной долей секулярного скептицизма. Если мы, христиане, желаем продолжать существовать в стремительно меняющемся мире, мы обязаны здраво и честно относиться к самим себе и научиться признавать неудобные факты. Первым из таких фактов является, казалось бы, неочевидный, но буквально вопиющий: между религией и научным знанием прослеживается колоссальная рассинхронизация. Доказательству тезиса: «Православная вера не противоречит науке, но наука укрепляет и обогащает веру» данная книга посвящена в том числе.

Мнимое противостояние научного знания и христианской веры имеет под собой настолько смехотворные основания, а его история настолько абсурдна, что, осознавая это, невольно начинаешь испытывать «испанский стыд».

В годы, когда над площадями наших городов реяли алые знамена, а в атмосфере витала песнь стали и прогресса, вера в Бога представлялась чем-то постыдным и недостойным великого пролетария, который со дня на день вырвется за пределы галактик. Вдохновленные «Восходом»³, люди самозабвенно внимали атеистической пропаганде.

Парадоксальным образом уровень антирелигиозных заявлений вроде «Гагарин в космос летал, а Бога-то не видал» едва ли соответствовал педалируемому образу советского человека — сына науки. Сейчас это кажется забавным, но тогда пропаганде удалось увлечь многие сотни наших соотечественников. Те плоды ощущаются и по сей день.

В свое время моя знакомая рассказывала мне, как в бытность ее студенткой одного российского гуманитарного ВУЗа пожилой уважаемый профессор искренне рассуждал о том, что человек, дескать, сотворен по образу Божьему, а человек-то этот ходит в туалет. Стало быть, и Бог тоже ходит. А это уж как-то совсем неприятно. Следовательно, Бога нет.

¹ Целью курса не является критика вероучения Православной Церкви, но, напротив, слушателям предлагается поэтапное развитие критического мышления, помогающего при- мирить — в первую очередь внутри самих себя — христианскую веру и достижения естественных наук, доказывая тем самым, что религия не является пережитком прошлого.

² Я убежден, что при честном, здоровом и, не скрою, критическом подходе, лишенном приспособленчества, становится очевидно: гипотеза и вера имеют одинаковую природу, а именно наличие косвенных аргументов при отсутствии прямых доказательств.

³ В ходе полета корабля «Восход-2», стартовавшего 18 марта 1965 года, впервые в мире человек вышел в открытый космос. Этим человеком стал советский летчик-космонавт Алексей Леонов.

Должен признать, такие заявления совершенно обескураживают и даже обезоруживают. Пока ты пытаешься прийти в себя и понять, неужели это и вправду прозвучало, оппонент считает, что сразил тебя блистательностью своих аргументов. Но не стоит улыбаться. Увы, но и аргументы защитников религии по своему качеству не уступают атеистическим нападкам. Иной раз кажется, что этому постыдному противостоянию не видно конца и края. Я дерзновенно надеюсь, что моя книга поможет, наконец, сдвинуться с мертвой точки и нам, людям веры и людям науки, увидеть друг в друге братьев.

Дорогие читатели, перед тем, как я открою вам дверь в мир своих размышлений, я хочу обратить ваше внимание на несколько обязательных моментов. Во-первых, у меня нет цели и амбиций написать учебник по «новому богословию» и научить всю Вселенскую Церковь, как надо верить. Церковь верует и славит Бога правильно, потому она и православная. Перед вами сборник моих частных мыслей и рассуждений, возникших у меня в ходе прочитывания лекций, анализа и молитв. Я буду искренне рад и польщен, если вы сочтете мои мысли разумными и логичными. Во-вторых, я умышленно избегаю на этих страницах сложных концептуальных рассуждений и максимально точных формулировок — как богословских, так и естественнонаучных — с целью донести мои мысли до наиболее широкого круга читателей. Если вы люди с академическим образованием, пожалуйста, делайте на это скидку. В-третьих, прошу обращать пристальное внимание на множественные сноски, встречающиеся по тексту и содержащие много важной информации.

Пожалуй, это все, что я могу сказать вам на данном этапе. Не буду придумывать какую-то рекламную фразу типа «пристегните ремни, наш полет начинается». Наверное, я просто выдохну и начну потихоньку писать. Если вы это читаете, значит, я закончил, и теперь вам предстоит понемногу читать дальше.

ЧАСТЬ I ТЕОЛОГИЯ

Я Тот, Кто Я есть

Как следует из названия книги, разговор наш мы поведем не только о материях естественнонаучных, но и о гораздо более тонких, лежащих в плоскости религии. Наиболее логичным представляется в первую очередь коснуться персоны Того, Кто является центром и основанием христианской веры — персоны Бога.

В этой связи на ум сразу же приходят строки государственного деятеля Российской Империи, сенатора и поэта эпохи Просвещения Гаврилы Романовича Державина:

*«Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог».*

Как много возвышенных и вместе с тем четких и верных определений сконцентрировал в своем произведении Генерал-прокурор Правительствующего Сената, исполненный вдохновения и богомыслия. Каждому из них еще отыщется место в наших размышлениях, а пока мне хотелось бы обратиться к последней строке.

Мы действительно называем Бога Богом. Подчеркну: именно мы и именно называем. Наверное, термин этот уже давно можно считать ономастическим, однако собственным именем Творца он не является. Имя есть не что иное, как наречение, познание, осмысление, наделение свойствами и качествами. Действительно, кто может дать его Богу?

Всего одной строчкой Державину удалось обозначить то, что современные люди науки не понимают, а мне думается, сознательно отказываются признавать: Бог априори находится вне границ всякого человеческого понимания. Собственно, на этом можно наш разговор и закончить, но в таком случае он будет совсем уж неубедительным. Итак, перед нами наш первый и, наверное, самый главный тезис. Мы еще разовьем его несколько позже, а сейчас обратимся к текстологии и убедимся, что все вышесказанное не есть отговорки верующих, а собственная Божественная самопрезентация в мире, отличная от нашей, существует.

Самый яркий пример того, как Бог описывает Самого Себя человеку, содержится в третьей главе библейской книги Исхода, повествующей о так называемой Неопалимой Купине — горящем, но не сгорающем терновом кусте, из которого Господь воззвал к Моисею. Предвосхищая стремление оппонентов религии обвинить верующих в бездумном потакании «древним сказкам», отмечу, что в традиции Церкви буквальное прочтение священных текстов никогда не было обязательной и безальтернативной формой⁴. Не будем сейчас надолго задерживаться

⁴ В первые два века существования христианства едва ли можно говорить о наличии единой оформленной богословской модели (что уже само по себе свидетельствует о допустимости различных подходов). Однако с появлением т. н. Александрийской и Антиохийской богословских школ разница эта не только закрепляется, но и обрастает последователями. Так, сторонники Александрийской школы развивали аллегорический метод толкования Священного Писания, в то время как приверженцы Антиохийской богословской модели стремились избежать слияния христианской мысли с эллинистической философией и настаивали на следовании букве Писания.

на рассуждениях о том, что в сакральном тексте всегда необходимо учитывать важность религиозного образа и возвышенной аллегории. Вместо этого обратим внимание на место, которое, как мне кажется, косвенно свидетельствует об истинности если не всего описанного, то, как минимум, самого подхода.

На закономерный вопрос Моисея: «Кто Ты?» Господь не нашелся, каким образом, хоть сколько-нибудь понятным человеческому разуму, можно было бы Себя описать, а потому сказал очевидное, но емкое: «Я есть Сущий». Это определение, произнесенное Богом в прямой речи, тоже давно обрело ономастические очертания, а между тем, именем оно также не является.

Иудейская традиция восприняла слово «Сущий» в качестве абсолютно суверенного наименования Божьего, право произносить которое не имеет никто, кроме Него. Во времена персидского владычества над Иудеей в период с VI по IV века до н.э. традиция записывать термин «Сущий» условной аббревиатурой из согласных букв стала обязательной. Буквы эти звучат как «йуд», «хе», «вав» и «хе», а при совместном прочтении превращаются в «Яхве» — имя, которым Израиль называл своего Бога.

Если отбросить в сторону все сложные и витиеватые объяснения, то оказывается, что при переводе на современный язык «Яхве» или «Сущий» звучит как «Я есть Тот, Кто Я есть». Согласимся, это действительно исчерпывающее определение. Господь, зная, что Его Разум бесконечно превосходит человеческий, представился очевидно и вполне ясно: «Ты все равно никогда не сможешь понять Мою природу. Я вне всяких описательных категорий. Я Тот, Кто Я есть».

Для меня, как для историка религии, эти слова Бога о Себе Самом всегда представлялись истинными. Действительно, обозначиться таким простым, но весьма неочевидным образом мог только Сам Бог. Косвенные доказательства этому мы находим в принципах антропологии (возможно, даже психологии) и в священных текстах других религий. Так уж устроен человек, что все окружающее его бытие он стремится как-то познать, описать, представить и назвать. В конце концов, что такое естественные науки, как не стремление понять?

Тот ответ, который Господь дал Моисею из горящей купины, является в подлинном смысле этого слова неудовлетворительным, ведь он вообще не дает никаких представлений и подобен реплике «Почему? Потому!». Если же мы обратимся к другим религиозным традициям, то непременно заметим, сколь человечны любые «божественные самоопределения».

В священной книге мусульман — Коране — Аллах описывает себя, всегда прибегая к завуалированным категориям высоты, выраженным во фразе «*возвысился над троном*». Подобное словосочетание встречается в тексте семь раз⁵.

С точки зрения религиоведения образ возвышенности является одним из самых древних и прослеживается уже в проторелигиях.

Не менее занимательно дело обстоит в индуизме. В качестве примера обратимся к одному из базовых текстов индуистской философии и к наиболее почитаемому священному писанию Индии — Бхагавадгите. На ее страницах бог представлен как «верховный господь, владыка всего творения. *«Я — духовная сила великих мудрецов, их способность познавать, их интеллект, их память, их отсутствие заблуждений, их твердость и самообладание»*. Книга также раскрывает личностный аспект бога, который обладает бесконечными качествами и вечной формой: *«Увидишь сейчас мою живую форму с тысячами рук и ног, с тысячами глаз, украшенную множеством великолепной одежды, украшений и оружия»*⁶. При прочтении становится видно невооруженным глазом, насколько человечны и неуклюжи те определения, которые бог якобы предлагает как свои собственные.

⁵ См. Коран 7:54, 10:3, 13:2, 20:5, 25:59, 32:4, 57:4.

⁶ Бхагавадгита с комментариями. — М.: Издательство АСТ, 2023. С. 98—99.

Ввиду всего вышесказанного, понимаешь: простое и лаконичное «Я Тот, Кто Я есть» звучит действительно по-Божественному и не придумано человеком.

Теперь мне хотелось бы ответить на одно несправедливое обвинение, которое научные атеисты выдвигают в адрес верующих. Как правило, они рассуждают следующим образом: «Вы, религиозные люди, склонны все явления объяснять через Бога, в то время как они благополучно доказываются с помощью имеющихся данных. При этом самого Бога вы никак объяснить не можете».

Отмечу, что, во-первых, образованные верующие прекрасно знают о естественнонаучных явлениях и процессах, понимают их и отдают себе отчет в их действии. К примеру, все давно знакомы с природой огня, и никто, кроме язычников, данное природное явление не обожествляет, видя в нем лишь интенсивный процесс окисления, сопровождающийся выделением тепловой энергии.

Во-вторых, приведенное обвинение представляет собой завуалированное лукавство, рассчитанное на то, что религиозные люди не ориентируются в элементарных основах науки. Легко сказать, что верующие все объясняют через Бога, но при этом не объясняют Самого Бога, однако и наука в известной мере предполагает похожий подход.

Приведу пример. Возьмем, допустим, время. Мы активно используем это понятие и даже считаем его фундаментальной «вещью», не объясняя ни через что другое.

И делаем так всегда. Ничего страшного от этого не происходит, а научные картины мира не рушатся, загоняя людей обратно в каменный век. Можем, пожалуй, даже немного усложнить, чтобы уж точно не казаться голословными.

Известно, что практически у всего есть масса. Она наблюдается даже у некоторых частиц. Допустим, у электрона. Но если вы спросите меня: «Что такое масса?», я едва ли найду, что вам ответить. Да мы, собственно, и не знаем толком, что это такое. Зато все остальное с успехом объясняем через массу электрона. Можно, конечно, попытаться говорить о том, что масса — это число. Вот, дескать, и определение. Но и в этом случае ничего не меняется. Получается, что числом этим надо пользоваться так-то и так-то, и тогда картина будет складываться. Проще говоря, наука уже многие годы объясняет огромное количество вещей через своего рода базовые понятия, никак при этом не объясняя их самих. В антинауку сама себя она от этого не превращает. В таком случае, коль скоро время — это время, а масса — это масса, то Бог — это Бог. И на этом все.

Я бы даже пошел еще дальше и заявил, что «Тому, Кто есть» мы можем дать гораздо больше описательных определений, нежели времени или массе. Рассматривая выше цитаты из религиозных текстов, мы уже могли в этом убедиться. Располагая собственным Божественным самоопределением, мы, тем не менее, не лишены возможностей ограниченного, но все же познания Творца. Напротив, с развитием научного знания этих самых возможностей у нас появляется все больше. В догматическом богословии подобный подход называется *естественным Божественным откровением* или *естественным богопознанием*.

Инфузории-туфельки

Существует распространенное заблуждение, будто бы развитие научного знания не оставляет места «религиозным предрассудкам». На самом деле это и так, и нет. Однобокое утверждение здесь точно непозволительно, а люди, разделяющие его, просто не знакомы с религиозоведением (которое, кстати сказать, представляет собой полноценную академическую область научных исследований).

Действительно, многочисленные первобытные формы религии, вероятнее всего, возникли именно по причине страха людей перед окружающими их явлениями природы, которые наблюдались, но никаким естественным путем объясняться не могли ввиду элементарной нехватки знаний. К таковым формам относится и анимизм — вера в одушевленность (божественность) мира, и весьма популярный фетишизм — поклонение неодушевленным материальным предметам, которым приписывались сверхъестественные свойства, и, конечно, магия — совокупность формулировок и действий, с помощью которых люди пытались повлиять на окружающий космос⁷.

Нет никаких сомнений в том, что вырождению подобных форм религии послужили именно развитие человека и возможность объяснять те или иные явления и процессы с помощью рационального.

Нельзя, однако, закрывать глаза на принципиальную разницу. Во всех приведенных идеологиях речь идет именно о физическом мире — единственном, поддающемся всем формам научного познания: наблюдению, эксперименту, анализу, синтезу и моделированию. Подлинная же религия в своем устремлении непременно выходит за привычные нам рамки физики. Точнее говоря, она принципиально пребывает вне этих границ и относится к миру *метафизики*⁸.

Важно уяснить ключевое отличие. Примитивные формы религии полностью лишены того, что принято называть *космологическим умозаключением*. Этот подход основан на созерцании тварного космоса, в результате которого созерцающий и осмысляющий его приходит умом к Творцу и Промыслителю. Один из величайших отцов и учителей Церкви, святитель Василий Великий, писал: «*Не познать Творца из созерцания мира — значит ничего не видеть в ясный полдень*»⁹.

Обратим внимание: речь идет не о ложном осмыслении (и как следствие, обожествлении) природы окружающего физического мира, но об устремлении сознания к радикальному, но неизбежному принятию *принципа причинности*. Это руководящее исходное положение утверждает, что каждое событие или эффект имеет свою причину. Причина эта совсем не обязательно должна быть непосредственной частью мира физического, но происходить из метафизики, становясь некоей точкой соприкосновения с бытием или связывающим узлом.

Именно этот факт и служит своеобразной развилкой, на которой пути научного знания и религии расходятся. Но расходятся не из-за конфликта, а лишь по причине невозможности одного объяснять другое. Материалисты эту развилку полностью игнорируют, не желая вообще

⁷ Используя этот термин на страницах книги, я говорю не только о космическом пространстве, но и (в большей степени) о пластически упорядоченном и организованном бытии как таковом.

⁸ Физический мир — это совокупность вещества, энергии и поля в определенном пространстве, управляемая физическими законами. Изучение физического мира предполагает анализ структуры материи, законов и взаимодействий. Метафизический мир — это область первоначальной природы реальности бытия, мир внефизический, внепространственный и вневременной. Важно понимать: оба мира неотделимы друг от друга и в некоторой степени соприкасаются. Однако изучение и объяснение этих двух принципиально разных миров не может быть осуществлено противоположными средствами. Говоря совсем простым и условным языком, физику можно назвать «телом» бытия, в то время как метафизику — его «душой». Следует придерживаться простого правила: метафизика не должна объяснять физику, а физика не отменяет метафизику.

⁹ Флоровский Г. Восточные отцы IV века. М., 1992, (репринт). С. 69.

признавать реальность факта «мета» как перехода к чему-либо другому или перемены состояния.

Резюмирую все сказанное более простым языком. Бог ни при какой из возможных концепций не является и не может являться частью тварного бытия и принципиально находится вне любых форм изучения (наблюдения, измерения, эксперимента, моделирования), доступных нашему сознанию. В этом смысле Бог действительно антинаучен. Ирония заключается в том, что Он не превращается от этого в религиозный предрассудок. Вывод напрашивается совсем иной: в отличие от проторелигии, христианство обожествляет не пугающие явления природы, но называет Богом именно Того, Кто таковым и является.

Скажу еще проще: Бог не является частью сотворенного им мира, а потому не может быть изучен никаким из доступных человеку способов, поскольку все они действуют исключительно в границах творения, да и то не всего, в чем мы очень скоро сможем убедиться. Столь очевидный и почему-то недоступный для материалистов факт в богословии давно известен и осмыслен. Он выражается в категориях Божественной трансцендентности и имманентности.

Под трансцендентностью (пребыванием за пределами) понимается абсолютная недостижимость, независимость и внемирность Творца, Который по Своей Сущности превосходит всякое постигающее мышление. Под имманентностью же (пребыванием в пределах) обычно понимают Его присутствие, активность и самораскрытие в тварном бытии. При этом необходимо понимать: трансцендентность Божья характеризует Его сущность, в то время как имманентность относится к Его свободному волеизъявлению.

Именно первое делает Бога максимально отличным от физического мира, а потому мы возвращаемся к тому, с чего начали: мы можем только называть Бога. И называть можем именно Богом. Потому как любые другие способы изучения, доступные нам в границах космоса, неприменимы и недоступны. Согласимся, это не только не антинаучно, но даже вполне логично и закономерно.

Здесь мне хотелось бы еще раз обратиться к религиоведению и заметить, что идея Единого Источника всякого начала буквально сама напрашивалась в человеческие умы, начиная с глубокой древности. В истории этой дисциплины существует так называемая концепция прамоотеизма, согласно которой изначальной и самой ранней формой любой религии была вера в одного Бога. Подобный подход впервые был предложен в середине XX века немецким этнографом, антропологом и священником Вильгельмом Шмидтом, который считал, что образ верховного существа у неписменных народов был настолько высоким, что он не может быть выведен из простого человеческого опыта и является ранней формой реального Божественного откровения.

Разумеется, с подобным утверждением можно поспорить, однако нельзя игнорировать тот очевидный факт, что многие религиозные идеологии Древнего Востока и античности в той или иной мере приближались именно к монотеизму. Пусть даже в весьма опосредованной форме. Изучая окружающий мир, древние философы один за другим неизменно приходили к тому очевидному факту, который не утратил своей актуальности и в наши дни: гармонично устроенный космос не только целесообразен, но и безусловно является результатом деятельности Того, Кто этот самый космос вообразил и целенаправленно привел из небытия в бытие. В противовес порядку и гармонии эллинистическое мышление рассматривало хаос — беспорядок и дисгармонию. Путь диалектики (рассуждения) побудил философию пройти от осознания невозможности самостоятельного преобразования хаоса в космос до идеи Единого Устроителя Вселенной.

Платон, не находя объективности в классическом греческом политеизме, основанном на пантеоне Олимпийцев, путем тех самых космологических умозаключений пришел к неиз-

бежности идеи Отца, Бога, Демиурга¹⁰. *«Все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине, — пишет Платон. — Конечно, Творца и Отца этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы Его и найдем, о Нем нельзя будет всем рассказывать... Космос прекрасен, и Демиург его добр... Космос — прекраснейшая из возникших вещей, а Демиург — наилучшая из причин... Будучи благ, Он позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; Он привел их из беспорядка в порядок»¹¹.*

Итак, мы видим зачаток того самого действия естественного Божественного откровения, которое побуждает человека оставить изучение видимого мира подходящему для этого научному знанию и устремиться умом за пределы космоса к Первоисточнику. Не стоит думать, что перед нами лишь одна из форм отжившей свое религиозности. Спустя две с половиной тысячи лет мы все так же способны определять Бога. Более того, я глубоко убежден, что с развитием научного прогресса мы можем делать это гораздо лучше и яснее. Раз уж на то пошло, попытаемся дать определение «Тому, Кто есть», говоря более или менее современным языком.

Тот, Кого мы называем Богом, является живой, свободной и разумной Личностью, ощущающей и сознающей Себя. Личность эта обладает всеми доступными и недоступными нашему пониманию наборами различных алгоритмов, а также процессами и индивидуальными особенностями, многократно превосходящими все наши представления о них. Наиболее подходящим описательным аналогом будет ум.

Я хотел бы подчеркнуть: любое наше максимальное слово о Боге будет минимально по отношению к Нему Самому. Все, что мы можем представить, вообразить, предположить, ощутить и исследовать любыми доступными нам способами, будет не Им.

Подобное определение Бога мне приходилось давать неоднократно в самых разных обстоятельствах и самым разным людям. Некоторые из них, считающие себя материалистами, пытались убедить меня в том, что все вышеперечисленное является лишь иллюзией, подменой понятий, антинаучными заявлениями, вымыслом и попыткой убежать от объективной реальности. На самом деле подобные утверждения ложны. Они основываются на изначально неверном принципе: «Я не могу это изучить, значит, этого не существует».

Подлинная же реальность заключается совсем в ином. Говоря языком современных ИТ-технологий, Бог обладает принципиально иным программным обеспечением, недоступным нашему. Нечто подобное мы постоянно наблюдаем на Земле и просто-напросто давно к этому привыкли.

Предлагаю в качестве очевидного примера обратить внимание на давно известный науке вид одноклеточных живых организмов, названных инфузориями-туфельками ввиду их внешнего сходства с формой отпечатка стопы. Это микроскопическое живое существо окружает нас повсюду, встречаясь в любых стоячих пресных водоемах и даже в аквариумах. Инфузории живут свою жизнь, неизменно соседствуя с нами на нашей планете. Живут, но никаким образом нас не воспринимают. Для них нас попросту не существует, как не существует и никакой возможности познания, которое могло бы привести их к умозаключению «это — человек». Более того, если бы такой вариант даже гипотетически смог бы реализоваться, то инфузории просто перестали бы быть таковыми и превратились бы уже в кого-то иного.

Возникает закономерный вопрос: если эти одноклеточные организмы, будучи частью нашего мира и даже находясь с нами в одном домене «эукариоты», не имеют никакой возможности хоть как-то нас осознать, то с какой стати человеку должно быть доступно видение и осознание Бога, вообще пребывающего на принципиально ином уровне бытия вне любых границ?

¹⁰ Демиург (греч. мастер, знаток) — в античной философии создатель чувственно воспринимаемого космоса, или мира физического, пребывающий вне его границ.

¹¹ Платон. Тимей 28с-30b.

Господь внемирный, внебытийный, нефизический, нематериальный, не антропоморфный. Он пребывает в вечной активности Своего Ума. Им не овладевает ни сон, ни дрема. Он не имеет пространства и временных категорий, на бесчисленные порядки превосходя все возможности сотворенной Им Вселенной. Даже мифическое покорение самых дальних ее уголков не приблизит нас к Богу, поскольку Он везде и нигде. Проще говоря, в другой проекции.

Теория Калуцы-Клейна

Рассуждая о Божественной трансцендентности, я не просто так затронул вопрос о «потустороннем» пребывании Творца, отличного от Своего Творения. Проговаривание этого ключевого тезиса представляется мне крайне важным в гипотетических полемиках с материалистами, утверждающими, что материя первична. Данный подход противоречит принципу причинности (каузальности), согласно которому причина всегда предшествует во времени следствию.

Во-первых, мы наблюдаем во Вселенной время¹². Во-вторых, мы наблюдаем следствие в максимальном смысле этого слова. Собственно, наука и занимается изучением множественных граней и аспектов этого следствия. Мы называем его материальным миром, Вселенной, бытием, генезисом. В-третьих, причинная связь необходима. Всякий раз, когда есть причина, неизбежно наступает и следствие. Логически верно и обратное. Если есть следствие, то у него обязательно должна быть причина. Итак, мы наблюдаем следствие и наблюдаем во времени, значит, у него есть причина. Одно «большое» следствие — Вселенную — мы можем разбить на множество мелких причин — явлений во Вселенной — и у каждой из них будут свои причины, которые для предыдущих причин будут уже следствиями. Эта цепочка может тянуться до тех пор, пока не будет найдена первопричина, которая совсем не обязательно должна быть хоть как-то похожа на предыдущие причины и являться частью именно генезиса. Следовательно, это причина есть Бог.

Со всем из того, что я сейчас описал, материалисты будут согласны. Отторжение у них вызывает именно последний тезис: первопричина может не быть частью генезиса. Это понятно. Как я уже сказал, для таких людей материя первична именно потому, что мы не располагаем возможностями доказательства Божественного бытия. Однако мы наблюдаем занятный поворот. Научные знания действительно не в силах подвергнуть трансцендентного Творца опытному изучению, зато знания эти очень даже могут таковую трансцендентность доказать.

В этой связи я хотел бы обратиться к вопросу, который пока еще носит скорее философский характер, но уже стремится в ряды научного знания. Это вопрос о многомерности Вселенной. О возможности наличия дополнительных измерений, помимо трех известных (длины, ширины и высоты), математики и даже философы рассуждают далеко не первый десяток, а то и не первую сотню лет. В начале XX века особенно ярко выделился Теодор Калуца, опубликовавший свою многомерную теорию гравитации¹³. Не будем здесь подробно на ней останавливаться, поскольку теория эта сугубо математическая и в ходе нашего разговора особой ценности не имеет. Отметим только лишь самый важный аспект: в своих рассуждениях Калуца ввел так называемое четвертое измерение. Позже гипотеза была интерпретирована Оскаром Клейном и в конечном итоге стала содержать компактификацию пятимерного пространства.

Какой вывод мы можем сделать на данном этапе? Очень простой. В теории науки известны дополнительные пространства, несмотря на тот очевидный факт, что органам чувственного восприятия они никоим образом не поддаются и остаются лишь в плоскости расчетов. В наши дни физики уже совершенно спокойно и без особых колебаний апеллируют к модели многомерной Вселенной, видя ее закономерно вытекающей из целого ряда теорий, к примеру, знаменитой *теории струн*¹⁴ или *теории суперсимметрии*¹⁵.

¹² Да, время — это весьма неоднородное понятие, а мнения ученых о его природе разнятся. В ходе нашего разговора данный момент не имеет особой важности, поскольку время есть, и это факт. Утверждения тех, кто считает, что время — это иллюзия, в наши дни находят все меньше откликов в научном сообществе.

¹³ Гравитация — универсальное фундаментальное взаимодействие между материальными телами, обладающими массой.

¹⁴ Суть теории струн заключается в том, что Вселенная может состоять не из точечных элементарных частиц, а из множества колеблющихся одномерных объектов, или «струн», каждая из которых может проявить себя в мире уже любой частицей.

При таком раскладе может существовать как минимум десять пространственных измерений. Не будем пытаться себе представить что-либо подобное. Это все равно невозможно. Я акцентирую на этом внимание только для того, чтобы пояснить, сколь сложные и буквально непознаваемые конструкторы предлагает современная наука. Вселенная была и остается для человека областью бесконечно непонятной и порой часто нарушающей принципы, которые человечество полагает фундаментальными. Такое положение дел вынуждает ученых проходить по тончайшему мостику между физикой и метафизикой.

Не желающие признавать бытие Божье материалисты могут при этом благополучно вводить константы совершенно запредельные и не испытывать неудобства. Самым ярким примером считается *гипотеза о темной материи*. Она предполагает наличие возможной (вероятно) формы (вероятно) материи, составляющей около четверти массы-энергии Вселенной, состав и природа которой неизвестны. Другими словами, темная материя является этаким теоретическим непознаваемым «нечто», которым ученые заполняют прорехи в космологическом познании. Проще говоря, тезис следующий: «Мы знаем, что темная материя (и темная энергия) есть, но мы понятия не имеем, чем она является».

На этом месте я, улыбнувшись, приведу слова величайшего гения христианской проповеди, святителя Иоанна Златоуста, чье прозвище в истории Церкви ясно свидетельствует о его таланте: «*Мы знаем, что Бог есть, но не знаем, чем Он является по Существу*»¹⁶. Как мы видим, сходство потрясающее. В таком случае совершенно непонятно, по какой причине материалист может позволить себе фактически веру в одно непознаваемое, отвергая при этом веру в другое Непознаваемое. И почему в одном случае человек остается в области передовой науки, а в другом оказывается «антинаучным и отсталым»? Подобный подход, надо заметить, мы еще не раз встретим в ходе наших рассуждений, а также вновь столкнемся с двойными стандартами.

Итак, мы отчетливо наблюдаем, что теория науки благополучно допускает возможность присутствия чего-то неизмеримого, недоступного и непознаваемого. Как мы знаем, всеми этими качествами обладает и Господь. Обратимся теперь к еще одному свойству Божьему — неизменяемости. Ряд отрывков из Священного Писания данную идею подтверждает¹⁷. Доказывает наличие неизменного и научное знание. Однако, как и в предыдущем случае, Творцу в данном атрибуте отказывают, но признают его за творением.

Проводя часы за прослушиванием лекций физиков, астрофизиков и астрохимиков, я выделил одну фразу, которая предваряет множественные последующие заявления: «Вселенная устроена удивительным образом». Не могу с этим спорить, вспоминая слова все того же Псалмопевца Давида: «*Дивны дела Твои, и ведомо это душе моей*» (Пс. 138:14). Занятно, что за три тысячи лет утверждение это, в общем-то, не изменилось.

Возвращаясь к теме неизменности, нельзя не коснуться знаменитой и ставшей уже нарицательной скорости света. Все нескончаемые волнения строятся на том факте, что мы имеем дело с максимальной и предельной скоростью, которая может существовать в границах нашего тварного бытия. Преодолеть ее невозможно просто потому, что это невозможно. Нет ничего, что могло бы двигаться быстрее. Впрочем, на этом сюрпризы не заканчиваются.

Любому ученику средней школы известно, что скорость — понятие относительное и неоднородное. Если мы будем двигаться по салону летящего самолета, то обнаружим разные соотношения. Первым будет наша скорость относительно самого самолета. Вторым будет скорость самолета относительно земли. Третьим же станет суммарная скорость нас, идущих по

в зависимости от характера колебаний.

¹⁵ Суть теории суперсимметрии заключается в том, что каждая элементарная частица может иметь своего «партнера», с похожими характеристиками. Этот подход помогает лучше объяснить некоторые фундаментальные взаимодействия.

¹⁶ Иоанн Златоуст, свт. Гомилия 34-я на 1-е послание к Коринфянам.

¹⁷ См. напр. Чис. 23:19; 1 Цар. 15:29; Пс. 101:26; Мал. 3:6; 2 Тим. 2:13; Евр. 6:17—18; Иак. 1:17.

салону летящего самолета, также относительно земли. Совсем иначе дела обстоят со скоростью света.

Проведем мыслительный эксперимент. Предположим, что где-то установлен мощный прожектор, испускающий свет. Первый человек движется вдоль луча навстречу прожектору и делает это очень быстро. При движении замеряется скорость света и обнаруживается та самая неизменная константа. Второй человек будет двигаться также быстро и также вдоль луча, но уже в противоположном направлении. При движении тоже будет замеряться скорость света. Результаты измерения потрясают. Независимо от направления, навстречу лучу или от него, замеры покажут одно и то же неизменное число, равное скорости света.

Осознавая результаты экспериментального исследования (которое доказано, начиная с опыта Мейкельсона-Морли), мы приходим к двум очевидным выводам: увиденное — бесспорный факт устройства Вселенной и увиденное противоестественно.

Таким образом, мы неминуемо приходим и к третьему выводу, который делаем из всего вышесказанного: в физическом мире существует целый ряд процессов, фактов и явлений, которые противоречат интуиции как способности человека понимать и проникать в смысл событий и ситуаций. Важно повторить: все это касается лишь тварного мира, а потому у ученых-материалистов, признающих факт наличия непознаваемого, противоестественного и контринтуитивного, нет никаких оснований для отрицания Того, Кто пребывает вне границ этого тварного мира.

Согласно теореме Геделя, любая достаточно сложная физическая теория неизбежно столкнется с неполнотой. Это означает, что всегда найдутся физические явления или процессы, которые не могут быть объяснены, или вопросы, которые не могут быть решены. И коль скоро это признается за творением, это неминуемо должно быть признано и за Творцом.

В заключение данной части нашего разговора мне хотелось бы привести отрывок из одной из самых любимых мной молитв. Эти слова произносит священник во время великого освящения воды в праздник Богоявления. Столь глубокие поэтические образы производят на меня неизгладимое впечатление.

*«Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои.
Чтобы их описать, недостаточно слов!
Ты по воле Своей из небытия все привел в бытие.
Твоей державной силой Ты содержишь творение
и Твоим промыслом устраиваешь мир.
Ты из четырех стихий творение сочинил,
четырьмя временами круг года Ты увенчал <...>
Ты — Бог наш безначальный и неописуемый <...>
Вся тварь воспевает Тебя, явившегося <...>
дабы стихиями и всеми людьми,
всем видимым и невидимым
прославлялось пресвятое имя Твое».*

Природа агрессии

Завершив наш разговор о вопросе бытия Божьего, я не вижу ни единого повода сомневаться в его реальности. Основными нашими аргументами стали: *космологический*, постулирующий необходимость наличия причины у каждого следствия; *логический*, вытекающий из условного принципа: «если что-то действует как Бог и „выглядит“ как Бог, то это и есть Бог»; и *«аргумент белых пятен»*, основанный на противоречивости научных объяснений и непознаваемости ряда естественных явлений, кажущихся противоестественными относительно других известных науке естественных явлений.

Конечно, можно также добавить *психологический аргумент*. Впервые в среде христиан эту идею высказал еще святой Фома Аквинский. Она проста. Концепция вечного надмирного Разума существовала всегда, независимо от культурных и этнических особенностей человека. В базисе своем она не претерпела изменений. Следовательно, она не является человеческим умозаключением, но Божественным откровением.

Надо заметить, такую мысль высказывали и дохристианские философы. Так, Цицерон писал: *«Когда мы взираем на небо, когда созерцаем небесные явления, разве не становится вполне ясным, вполне очевидным, что есть некое божество превосходнейшего ума, которое всем этим управляет? <...> Если кто в этом сомневается, то я не понимаю, почему он не сомневается также, есть солнце или его нет! Чем одно очевиднее другого? Если бы это не содержалось в наших душах, как познанное или усвоенное, то не осталось бы оно столь устойчиво, не подтверждалось бы с течением времени, не могло бы так укорениться со сменой столетий и поколений людей. Видим же мы, что другие мнения, ложные и пустые, с течением времени исчезли. Кто, например, теперь думает, что существовали гиппокентавр или химера? Найдется ли столь выжившая из ума старуха, что теперь боялась бы тех чудовищ подземного царства, в которых некогда тоже верили? Ибо ложные вымыслы время уничтожает, а суждения природы — подтверждает»¹⁸.*

Пожалуй, доводы Марка Туллия Цицерона заслуживают внимания. Образ с химерой представляется мне занятным. Он отсылает нас к изложенным выше фактам о проторелигиях и антинаучности именно этих ложных концепций.

Добавим тогда и аргумент *нравственный*. Его тезис заключается в следующем: «В нашей совести существует безусловное требование нравственного закона. Нравственность — от Бога». Данный аргумент был бы совсем слабым, если бы не одно «но». Существование объективной нравственности и независящего от человека источника морали косвенно доказывается тем, что хорошие люди могут творить злые дела, а люди плохие в силах совершать добрые поступки.

Последние два аргумента легче других подвергаются критике атеистов, поскольку лежат в плоскости не экспериментальной, а философской и доказываются (опровергаются) не путем опыта, но путем ораторских приемов и полемики. По этой причине я не буду на них долго останавливаться. Вместо этого мне хотелось бы сделать небольшой шаг в сторону от основной канвы нашего повествования и порассуждать на тему гипертрофированного религиозного консерватизма, чинящего весьма серьезные препятствия на пути братского диалога науки и веры.

Нам следует быть честными и признать: в том, что ученые подчас не желают даже и думать в религиозных категориях, видя в них «пережитки древности», виноваты в большинстве случаев сами верующие, считающие достижения науки и прогресса антирелигиозными, душевредными, сатанинскими и даже весьма агрессивно реагирующие на любые попытки науч-

¹⁸ Марк Туллий Цицерон. «О природе богов», книга II (II) // Философские трактаты / ред. Г. Г. Майоров, перев. М. И. Рижского. — М.: «Наука», 1985. С. 102—103.

ного подхода к духовным материям, видя в этом посягательство на сами основы веры. Разумеется, при таком подходе ученые-материалисты видят в этих людях лишь собрание радикально настроенных фанатиков, проецируя сложившийся взгляд на всю Церковь. Признаюсь, это предмет моей личной боли и грусти. Многие годы я без устали повторяю: христианство не противоречит современным достижениям научного знания, а образованный, воспитанный и культурный человек XXI века благополучно может оставаться верующим.

Посвятить несколько страниц рассуждениям о природе религиозной агрессии я решил потому, что впереди нас ждут еще более сложные умозаключения. Только что мы закончили рассматривать вопрос о существовании персоны Бога перед лицом современной науки и пришли к однозначному выводу о бытии Творца. Далее нам предстоит поговорить о Природе и Сущности Божества, Его творческом акте, об отношениях со Своим Творением и о многом другом. Делать это нам придется, выходя далеко за рамки привычных учебников богословия и теологических рассуждений.

Нет, это совсем не означает, что мы будем здесь подвергать сомнению учение Православной Церкви. Как я уже сказал, она верует правильно. Наша основная задача будет состоять в том же, в чем и состояла ранее — в попытке примирить религию и науку и доказать отсутствие противоречий между этими двумя областями. Увы, но на данный момент рассинхронизация, повторюсь, пугает своими масштабами. Бог даст, мы сможем их уменьшить.

Всякий раз, когда я начинаю курс лекций с новым потоком студентов, читая им догматическое богословие или историю религии, я обращаю их внимание на один очень важный фактор, на котором мне хотелось бы остановиться и здесь. Моя сентенция заключается в следующем: каждый человек, желающий идти по пути образования и саморазвития, должен предварительно обзавестись изрядной долей мужества (да-да, именно мужества), чтобы сделать первый шаг и далее шествовать неуклонно.

Если мне будет позволено так сказать, то коварство образования заключается в том, что погружающийся в него человек «на выходе» уже не будет прежним и станет сильно отличаться от себя самого, но входящего. Систематизированный процесс получения знаний, словно ледокол, идет напролом и не щадит никого. Он ломает привычные и устоявшиеся картины мира, вынуждает принимать очевидное, думать иначе, признавать наши собственные ошибки и заблуждения. Проще говоря, ломает человека. Но ломает в хорошем и благородном смысле этого слова.

В особенной (и в наибольшей) степени это касается образования религиозного. Неудивительно, что многие верующие так рьяно сопротивляются любому, даже мельчайшему изменению в своей религиозной картине мира. Вера есть наиболее интимная и весьма уязвимая часть человеческой личности, формирующая таковую гораздо больше национальной самоидентичности, родного языка и чувства домашнего очага. Входя в самые глубины сердца, религия превращается в онтологический статус человека, навсегда запечатывая его самоопределение. От нее зависит буквально все: взгляд на самого себя и на окружающий мир, чувство морали, отношения с близкими людьми, восприятие успехов и неудач и многое другое.

Совершенно очевидно, что изменения в религиозной картине подобны тектоническим сдвигам, сотрясающим все на своем пути. Болезненность этих сдвигов безусловна, а войны, происходившие на религиозной почве, были одними из самых страшных и кровопролитных. Как историк религии замечу и другой немаловажный факт. Возможно, читатели удивятся, но все в этом мире — религия. С самых ранних времен она была двигателем прогресса, помогала освоить охоту и земледелие, воздвигала потрясающие архитектурные памятники и создавала шедевры музыки, живописи и поэзии. Если бы мы враз могли удалить с лица Земли все, что хоть немного имеет отношение к религии, на ней не осталось бы практически ничего.

Я предлагаю вам все эти рассуждения не просто так. Необходимо понять одну очень важную вещь: столь фундаментальная и всеобъемлющая составляющая человеческой лично-

сти, как религиозность, будучи частью естества¹⁹, легко может проявиться в разных степенях сложного психического заболевания, известного как *религиозный невроз*, или *деструктивная религиозность*. Мы рассуждаем на страницах этой книги о духовности перед лицом научного знания. Полагаю, будет не лишним уделить некоторое время и психологии, а возможно, даже психиатрии. Во всяком случае, в ходе своих лекций или воскресных бесед с прихожанами я неизменно выделяю несколько часов на проработку данного вопроса.

Заболевание, о котором мы поведем речь далее, помимо приведенных выше терминов, принято обозначать и еще одним. Определение *эклезиогенный невроз* ввел в середине XX века берлинский специалист доктор Альберт Э. Шетцинг. Оно раскрывает неочевидную связь между религией и развитием неврозов. Действительно, каким образом то, что должно быть источником радости и вдохновения, превращается в причину беспокойства и стресса?

Ответ на поставленный вопрос не может быть однозначным, а изучение эклезиогенного невроза, как и другого заболевания, требует многоаспектного рассмотрения. Одной из характерных черт данной проблемы является сочетание двух, казалось бы, несочетаемых крайностей, наблюдаемых в поведении человека: комплекса вины, развивающегося от осознания собственной греховности (вероятно, наибольшей), и чувства собственного превосходства, подогреваемого верой в собственную принадлежность к единственно правильной форме религии.

Столь нестандартное сочетание противоположных факторов практически всегда вырождается у человека в непоколебимую убежденность в истинности своих знаний, что приводит к личностной несвободе и тотальной агрессии. *«Праведное благочестие в сочетании с ненавистью ко всем инаковым может быть типичным примером такого рода подмены»*²⁰.

Я попробую здесь объяснить наиболее простым языком причину крайней нетерпимости религиозных консерваторов. В первую очередь стоит заметить, что общепринятые термины «консерватизм» и «традиционализм» не совсем точно отражают суть проблемы. Строго говоря, я и самого себя мог бы в некоторой мере отнести к группе традиционных теологов, поскольку нередко прибегаю к наиболее консервативным системам и направлениям, считая их проверенными и доказанными (разумеется, в рамках богословия), в отличие от новомодных веяний. Тем не менее данный подход не мешает мне прилагать многолетние усилия ради примирения веры и науки, а также интеграции христианства в современный мир.

Для обозначения людей, подверженных религиозному неврозу (а таких, увы, весьма много), я бы использовал термин «фундаменталисты» и в большей степени «реакционеры». Слово «фанатики» представляется мне оскорбительным, поскольку я убежден, что людей нельзя винить за болезнь.

Причина невроза видится мне (и в этом я согласен с целым рядом исследователей) все в тех же описанных мной тектонических сдвигах личности. Особенно остро это ощущается при осознании того факта, что в случае с религией ставки чрезвычайно высоки. На кону вечная жизнь бессмертной души! Разумеется, христианство далеко не так категорично, но речь-то идет именно о заболевании. Многие люди просто не в силах признать, что может существовать хоть какая-то альтернатива, приводящая к тому же результату, что и «уникальный тернистый путь». При таком раскладе теряется собственная ценность и рождается страх. Это может быть

¹⁹ Гипотеза гена Бога предполагает, что на духовность человека влияет наследственность и что определенный ген, называемый везикулярным переносчиком моноаминов 2 (VMAT2), предрасполагает людей к духовному или мистическому опыту. Во избежание спекуляций важно заметить: рассматриваемый ген не объясняет все духовные или религиозные чувства, а в том, что он указывает на один из возможных важных нейробиологических путей. Подробнее см. в Silveira, Linda A. (March 20, 2008). «Experimenting with Spirituality: Analyzing The God Gene in a Nonmajors Laboratory Course». CBE: Life Sciences Education. 7 (1): 132—145.

²⁰ Филоник М. С. Психологический анализ феноменов искажений религиозного опыта // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. №5 (89). С. 109.

страх перемен, страх неизведанного, страх непонятого, страх осуждения людьми или, что еще опаснее, Богом, страх наказания, страх ада и так далее.

Как тут не вспомнить невероятно точную цитату из саги Джорджа Лукаса «Звездные войны», прекрасно иллюстрирующую и психологический, и теологический аспект проблемы: *«Страх порождает гнев, тот порождает ненависть, а ненависть — залог страданий»*.

Подверженный экклезиогенному неврозу рассуждает вполне закономерным для его ситуации образом: «Если я хоть на секунду допускаю хотя бы минимальное отклонение от „истины“ моей веры, следовательно, это уже не истина. А значит, все это время я шел не туда, и последствия могут быть катастрофическими». При таком образе мышления человек готов на самые радикальные поступки, только бы не произошло самого страшного — тектонических сдвигов души. Именно по этой причине религиозных реакционеров еще называют радикалами.

Примеров их бескомпромиссных действий история насчитывает множество. Самым ярким из произошедших в нашей стране можно считать знаменитый старообрядческий раскол XVII века, в ходе которого часть духовенства и мирян не согласилась с религиозной реформой, проводимой патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем Романовым. Самым известным пунктом реформы по унификации русской богослужебной практики с авторитетными греческими образцами стала замена двуперстного крестного знамения на троеперстное, привычное каждому из нас. Реакция поборников старого обряда заключалась в следующем: «Выходит, что отцы и деды наши, великие святые наши молились не по правилу. Стало быть, и в Царство Небесное им входа нет!». Защищая и отстаивая свои убеждения, старообрядцы были готовы на самые отчаянные шаги, вплоть до самосожжения в глухих лесах, только бы не принять новой «ереси». Прошло без малого четыреста лет, а последователи старообрядчества существуют в России до сих пор. И нет никаких предпосылок к тому, чтобы этот раскол был преодолен.

Примерно аналогичная ситуация произошла и на Западе, когда в середине XX века Римско-Католическая Церковь провела масштабные реформы во исполнение постановлений Второго Ватиканского собора (1962—1965). Несогласные с новым порядком усмотрели в нем потакание «страшной ереси модернизма» и учинили раскол, сочтя официальную Церковь более «недействительной».

Я привожу эти два исторических примера для того, чтобы показать, насколько масштабными могут быть последствия религиозного невроза. И это не принимая во внимание бесчисленное множество малозаметных, локальных и частных ситуаций. Что же объединяет обе истории? Во-первых, нежелание реакционеров проникнуть умом в значение термина «обряд» и осознать символическое наполнение действий, обозначаемых словами «обряжать, наряжать». Во-вторых, фундаменталисты полностью лишены желания и возможности видеть то, что я назвал бы *«эшелонами доктрины»*. Действительно, в христианстве существуют, говоря языком естественных наук, набор фундаментальных констант, чья неприкосновенность неоспорима в отличие от второстепенных и даже третьестепенных элементов, многие из которых вообще никак не входят в рамки вероучения. Невротики же считают свою веру таким монолитом святости и непорочности. И в этом их главная ошибка.

Повторюсь, мне представляется крайне важным проговорить все эти принципы именно сейчас, до того, как мы начнем разговор о многих достижениях современной науки и попытаемся примирить их с христианством. Настоящим христианством. Я позволю себе привести здесь самые яркие маркеры религиозного невроза для того, чтобы читатели могли применить их к себе и, убедившись в их отсутствии, продолжить наш разговор. Итак, экклезиогенный невроз характеризуется:

- Ориентированностью на конфликтные отношения и чувством необходимости защищать свою веру.
- Конфликтом между идеалами и реальностью.

- Чувством вины как следствие непреодолимой греховности.
- Страхом крушения собственного мира ввиду даже незначительных вмешательств.
- Чувством агрессии по отношению к незнакомым моделям богословия.

В заключение к данному этапу моих рассуждений отмечу последний явный признак верующих людей, подверженных невротической религиозности. Как правило, каждого из них характеризует невообразимая усталость от их собственной веры, выражаемая буквально во всем: в поведении, в движениях, в мимике. Разумеется, сами эти люди никогда и никому в этом не признаются. Даже самим себе.

Начиная писать данную книгу, я руководствовался прямо противоположными представлениями. Христианство может и должно быть для человека его поддержкой и опорой, его радостью и надеждой, областью живой и счастливой встречи человека с Богом. Оно никоим образом не является уделом индиетристов²¹, но может служить двигателем подлинного прогресса. Любое научное знание, полученное опытным путем, никоим образом не противоречит первостепенным доктринам христианского откровения, а вопросов обрядового характера оно и вовсе касаться не должно.

На этом месте я очень бы хотел затронуть еще один важнейший аспект разбираемой нами проблемы. Я не просто так сказал, что все в этом мире — религия. Буквально все. Возможно, если моя книга попадет в руки атеиста, он скажет: какое мне дело до того, кто там и как сходит с ума от своей религиозности? Это лишний повод убедиться в ее вредности и в правильности моих убеждений! Я материалист, и никакой религии для меня нет и быть не может!

Существует большая доля вероятности, что рассуждающий так человек искренне полагает себя неверующим по причине довлеющей очевидности научного знания, этакой продолжающейся Эпохи просвещения, Века разума. Но вот курьез. Скорее всего, причиной атеизма является... религиозность. Такой вот парадокс. Повторю в третий раз: все в этом мире — религия.

Важно понимать: любой фанатизм есть скрытое неверие. А если и не неверие, то как минимум, не такое уж и скрытое сомнение. Когда человек с остервенелым лицом отвергает все достижения науки и со стеклянными глазами безапелляционно повторяет, что Бог есть, скорее всего, человек этот в глубине души очень боится, что Его может не быть. Что Его отсутствие сейчас вот-вот человеку этому будет явлено, и на этом рухнет его мир.

Упомянутый же мной парадокс заключается в том, что материалист, твердящий противоположную сентенцию (пусть даже без остервенелого лица и стеклянных глаз), на самом деле очень боится, что Бог все-таки существует.

И тогда атеист всем подряд samozабвенно проповедует, что Бога нет. Нет Его, нет, и все тут! Совершенно же очевидно, что никакого Бога нет. И быть не может.

Потому что иначе его мир тоже рухнет. Мир, в котором все понятно. А если не понятно, то лишь по причине временной нехватки знаний, а не из-за Тайны как таковой. Божественной Тайны. В таком мире люди принадлежат самим себе, владуют над собой, самостоятельно регулируя свой комфорт на самых разных уровнях. Если Бог ворвется в жизнь, то все радикальным образом изменится. Нет больше владычества разума, а есть скромные попытки познания. Нет больше вожаемой стабильности и тотального контроля всех сфер своей жизни, но есть жизнь в присутствии Кого-то, Кто смотрит и явно имеет обо всем Свои собственные представления.

При таком положении дел мы наблюдаем самый настоящий религиозный невроз. Только основан он не на вере в Бога, а на вере в Его отсутствие. Ведь встреча с Ним непременно озна-

²¹ Индиетризм (ит. In dietro — назад). Термин, введенный в Италии (в Риме) в XXI веке для обозначения реакционных групп, стремящихся сопротивляться развитию и видящих в нем опасность для будущего.

чает встречу с самим собой. И тектонические сдвиги произойдут. Это случится неминуемо, независимо от того, материалист ты или фундаменталист.

А встреча с реальностью — самая страшная встреча. Остается только кричать, убеждая себя и всех вокруг: «Бог есть!», «Бога нет!». Но существует и третий путь. Путь тихой открытости. Нужно просто позволить Богу прийти в сердце. Настоящему Богу. Не мифическому антинаучному злому владыке мракобесия и не покровителю математических формул, иллюзионисту, убеждающему, что все можно познать, рассчитать и проверить. Но Богу Евангелия. И если Он придет, то больше не нужно будет кричать и бояться.

Область теологумена

Закончив разговор об экклезиогенном неврозе, я, пожалуй, коснусь еще одного сопутствующего вопроса, понимание которого очень поможет нам в ходе наших дальнейших рассуждений.

Возможно, делая столь множественные оговорки и плавно подбираясь к главным темам последующих умозаключений, я стараюсь обезопасить себя от неоправданных нападков со стороны радикально настроенных верующих. Впрочем, чего мне бояться? Я движим не стремлением к дискредитации науки или веры. Мои желания прямо противоположны. Я хочу, чтобы имя Божье прославлялось среди современных людей: среди ученых, интеллигентных и образованных жителей нашей страны. В христианстве каждому найдется место, всем может быть комфортно.

Немного возвращаясь назад, отмечу, что одним из показательных проявлений агрессивного религиозного невроза является непризнание целого ряда полутонов. Богословию отказывается в подобной роскоши. Есть только «черное» и «белое», а любую информацию или действие следует относить к одной из этих двух групп.

Разумеется, подобный взгляд глубоко ошибочен. Любая уважающая себя область научного знания содержит в себе многообразие всевозможных теорий и гипотез. Одни из них находятся ближе к официально принятой и доказанной точке зрения, другие не противоречат ей, но требуют доработки. Собственно, в богословии дела обстоят точно таким же образом. Грани того самого белого и черного, конечно же, тоже есть. Первую принято называть Магистерием или вероучением Церкви, а вторая прямо противоречит ей и именуется лжеучением или ересью.

Самые разные теории и особенно гипотезы также имеют место. Скажу больше, они составляют около 70% всего богословского корпуса. Эти теологические гипотезы принято обозначать термином «*теологумен*». Он был введен в общее употребление во второй половине XIX века российским востоковедом и церковным историком Василием Васильевичем Болотовым и с тех пор стал активно использоваться. По мнению выдающегося британского богослова и публициста митрополита Каллиста (Уэра), теологумен представляет собой частное богословское мнение или размышление отдельного автора или группы лиц, обозначающее то или иное учение, более или менее принятое у отцов Церкви, но не имеющее обязательного характера.

Другими словами, теологумен является отдельным утверждением или концепцией, которая не находит прямого подтверждения в авторитетных источниках (Священном Писании и Священном Предании), но и не противоречит им. Говоря еще проще, теологумены — это приемлемо ортодоксальные богословские суждения.

Разумеется, почва эта весьма тонкая, а ортодоксальность и неортодоксальность могут трактоваться довольно широко или, наоборот, узко. Особенно если речь идет об агрессивно настроенных фундаменталистах. Тем не менее я в своей богословской деятельности, как и полагается любому ученому, очень люблю прибегать к теологуменам и даже обзавелся с годами целым рядом своих собственных. Повторю теперь свою мысль, сказанную мной еще в самом начале. Данная книга — это не вероучительный документ, но систематизация частных умозаключений, направленная на рассмотрение основ христианского богословия через призму XXI века и изложенная современным языком.

Раз уж на то пошло, предложу здесь и еще один интересный термин, корни которого прослеживаются еще в античности, но который также был взят Церковью в свою риторику. Это «*адиафора*» — некое утверждение или умозаключение, которое не считается обязательным и необходимым для правильной веры, но которое считается вполне допустимым для христиан.

Границы допустимости или недопустимости зависят при этом от конкретной традиции богословия.

Итак, пришло время подвести к концу все сторонние рассуждения и вернуться к основной канве нашего повествования. Впереди ждет множество серьезных вызовов, которые возникают перед теми, кто обрел понимание бытия Божьего. Смею надеяться, мне удалось доказать очевидность этого факта. Теперь я продолжу рассуждать на все остальные вытекающие темы, используя как раз многочисленные теологумены и адиафоры.

Троица в физике и математике

Если подвергнуть христианство религиозной классификации, то обнаружится, что оно входит сразу в три масштабные группы. Во-первых, христианство — это мировая религия. Оно распространено среди многочисленного населения разных стран и континентов, не требует жесткой привязки к этносу или принадлежности какой-либо культурной и языковой группе. Во-вторых, христианство, безусловно, является монотеистической религией, то есть признающей существование Единого и единственного Бога-Личности. В-третьих, оно относится также и к группе авраамических религий, то есть ведущих свою традицию от монотеизма древнего патриарха Авраама.

Тем не менее есть в христианстве нечто, что выделяет его из всех трех групп (особенно из двух последних) и за что оно терпит нападки не только от материалистов, но даже и от других авраамических религий — иудаизма и в большей степени ислама. Речь идет о формате христианского монотеизма, выраженного в вере в Троицу.

В первую очередь представляется необходимым обратиться к формулировке православного учения о Троице.

Бог, исповедуемый и прославляемый Православной Церковью, есть единственный Бог, обладающий Своей Единой Божественной Сущностью, но познаваемый в трех равнославных, равновеликих, не сливающихся между Собою, но и нераздельных в едином Существом Лицах, или ипостасях.

Пожалуй, на этом стоит остановиться, поскольку у нас нет цели превратить наш разговор в учебник по догматическому богословию. И все-таки я хотел бы отметить главные положения тринитарного догмата. В первую очередь христианство радикально отличается от всех монотеистических религий тем, что исповедует веру не в сингулярного Бога, но в *триединого*. Таким образом, мы утверждаем, что Бог в каждый момент Своего бытия одновременно является всеми тремя ипостасями, не делится на три, но и не сливается в нечто одно.

Замечу, что для обозначения столь превосходящей всякие силы человеческого разума концепции святые отцы выбрали наиболее подходящий термин — *ипостась*. Господь не обладает тремя лицами в физиогномическом смысле, не имеет он и трех сущностей, но проявляется в своеобразных, если можно так выразиться, подлежащих. Слово «ипостась» имеет древнегреческое происхождение и может содержать в себе целую палитру значений. В этом его богословский плюс, дающий возможность описать неопишемое²².

Уже несколько лет я в своих лекциях предлагаю использовать понятие «субъект» относительно каждой ипостаси Троицы, а по отношению к природе Бога применять термин «многосубъектность». Таким образом, форму христианской религии можно классифицировать как *многосубъектный монотеизм*.

²² Особенно ярко мучительные попытки человеческого разума осознать и описать человеческим языком буквально свалившиеся на них Божественное Откровение видны в первые века существования христианства. Люди из всех сил пытались подогнать в своей риторике к адекватному описанию Божественного Существа. Изначально понятие «ипостась», как и понятие «сущность», употреблялись в качестве синонимов. Обоими терминами обозначалось нечто, имеющее самостоятельное бытие, то есть существующее не в чем-то другом, а «само по себе». «Сущность» есть первая из десяти категорий у Аристотеля. Он различал первые сущности и вторые сущности. Проблему риторики, вынуждавшую лавировать между единсущностью Божества и фактической, почти политеистической трисущностью, проистекавшей из понимания и применения термина «ипостась», решил Василий Великий, который определил различие между сущностью и ипостасью как между общим и частным и закрепил в христианском богословии термин «сущность» исключительно за теми сущностями, которые Аристотель называл вторыми. Так термин перестал требовать уточнения, а учение об Ипостасях стало применяться исключительно к триединому Богу.

Не буду дальше углубляться в тонкости христианской догматики. Вместо этого мне хотелось бы опровергнуть заявление о том, что идея триединства якобы исключительно мифологична и уж тем более недоказуема. На самом деле это ложь. Математический пример $1+1+1=1$ не только является олицетворением Божественной Сущности, но также имеет прямые подтверждения в тварном бытии с соответствующими законами физики.

Я приведу здесь выдержку из любимейшей мне автобиографической книги Набиля Куреши, человека с потрясающей судьбой. Родившись в ортодоксальной мусульманской семье, этот юноша путем мучительных многолетних размышлений и поисков смог покинуть ислам и принять свет христианской истины, став затем миссионером-проповедником в Соединенных Штатах. Об одном из этапов своего духовного странствия, как раз связанного с учением о Троице, Набиль писал так: *«Мы изучали резонанс — конфигурацию электронов в некоторых молекулах. Само понятие резонанса достаточно просто даже для тех, кто не знает химию. Речь идет вот о чем: как известно, любой физический объект состоит из крохотных «кирпичиков» — атомов, а каждый атом — это положительно заряженное ядро и вращающиеся вокруг него отрицательно заряженные электроны. Атомы делятся электронами и таким образом «склеиваются» друг с другом, образуя молекулы. Различные виды расположения электронов в тех или иных молекулах называются резонансными структурами. У некоторых молекул, скажем, у молекулы воды, резонанса нет; другие, как нитрат, изображенный на экране, имеют по три таких структуры или даже больше. Все это достаточно просто понять, но сложно вообразить в реальности. Миссис Адамски закончила объяснение такими словами:*

— Эти рисунки наилучшим образом представляют резонансные структуры на бумаге, однако на деле все намного сложнее. Говоря технически, молекула с резонансными структурами в каждый момент времени является всеми тремя структурами одновременно и никогда не сводится только к какой-либо одной из своих структур.

Должно быть, при этих словах весь курс почувствовал то же, что и я, потому что миссис Адамски повторила:

— В каждый момент времени в молекуле присутствует не какая-то одна структура, а все три. Тяжелое молчание было ей ответом.

— Но об этом не беспокойтесь, — подбодрила нас миссис Адамски. — На экзамене вас будут спрашивать только о том, что можно нарисовать.

По аудитории пронесся вздох облегчения. Но я облегчения не почувствовал. Я повернулся к Дэвиду; тот пожал плечами и снова перевел взгляд на преподавательницу, уже перешедшую к следующей теме. Я же никак не мог отделаться от ее слов. Для меня словно бомба над ухом взорвалась. Неужели никто больше из целого курса этого не заметил? Как может молекула быть одновременно несколькими структурами — разными структурами — и одной? Мы ведь говорим не о признаках. Например, бифштекс может быть одновременно толстым, сочным, вкусным, хорошо прожаренным и так далее — но это другое.

Здесь речь о структурах и электрических импульсах, существующих в пространстве. То, что сказала преподавательница — это все равно что сказать: «Набиль ест бифштекс в Техасе и в то же самое время тот же Набиль дремлет в гамаке на Карибских островах». По отдельности и то, и другое замечательно, но вместе... одновременно... как? Это же просто бессмыслица! Я был в смятении — и еще более поражен тем, что, казалось, никого, кроме меня, это не волновало. Все просто принимали это как должное. Я обвел аудиторию неверящим взглядом, пораженный ее равнодушной слепотой. Или... может быть, это не слепота? Мы здесь изучаем очень сложную и специфическую науку, описывающую мир атомов. На этом уровне происходят вещи, которые, если попытаться вообразить их на нашем, человеческом уровне, не имеют никакого смысла. Даже простая, казалось бы, идея атомов, стоит о ней задуматься, ставит в тупик. Ведь что она означает? Что стул, на котором я сижу — вовсе не твердый предмет, надежно поддерживающий мой вес. Фактически он — почти пустое

пространство, лишь на малую часть заполненное крошечными частицами, движущимися с непостижимой скоростью. Если попытаться это себе представить, это выглядит каким-то безумием; однако так устроена наша Вселенная, и нет смысла об этом спорить.

Я снова обвел взглядом других студентов, приходя к выводу, что ошибся. Они не принимают, слепо и равнодушно, какую-то ерунду. Они просто раньше меня поняли, что не все истины о нашей Вселенной легко понять и уложить в сознании. Взгляд мой остановился на экране с тремя изображениями молекулы. Я пытался совместить все, что узнал, и понять. У каждой молекулы нитрата три резонансные структуры в одно и то же время. Три разные, отдельные структуры. И в то же время они — одно. Три в одном. Три — одно.

И вдруг в мозгу у меня словно что-то щелкнуло. Если уж в нашем мире существуют вещи, способные, пусть и непостижимым для нас образом, быть тремя в одном — почему это невозможно для Бога?»²³.

Этот риторический вопрос, которым задается Набиль Куреши, я хотел бы дополнить своим собственным. Из первой главы библейской книги Бытия мы узнаем, что Господь сотворил человека по Своему Образу²⁴. Почему бы в таком случае не предположить, что и космос (во всяком случае, его составляющие) Бог также сотворил по некоему Своему Образу?

Действительно, современные научные данные не только не опровергают существование Творца, но даже помогают лучше представить природу Его бытия. Так, оказывается, что в каждом протоне и каждом нейтроне содержится ровно три кварка — элементарных частиц и фундаментальных составляющих материи. При этом важно понимать: отделить один кварк от двух других не представляется возможным. Таким образом, Троица с Ее единосущностью, неслитностью и нераздельностью есть основа системы симметрии.

Безупречно учение о Троице и с точки зрения математики. Поблагодарить за доказательство данного тезиса следует выдающегося российского физика-механика Бориса Викторовича Раушенбаха, который в годы дремучего советского атеизма оставался верующим человеком и много размышлял о триединстве Божества.

Концепция Раушенбаха строилась именно на богословии. Как мы уже могли понять, учение о Троице содержит в себе идею единосущности, нераздельности и неслиянности. При поверхностном взгляде совокупность этих терминов кажется нелогичной, однако поиск аналогов в математической плоскости опровергает такое впечатление. Для этой цели ученый прибег к понятию *изоморфизма*. Выражаясь простым языком, если найти объект, обладающий всеми свойствами Троицы, то такой объект окажется изоморфным Ей и докажет реальность Ее существования.

Раушенбах использовал классическую декартову систему координат, произвольно расположив в ней конечный вектор, идущий из начала этих координат. Ему будут соответствовать три составляющие. Нет сомнений в том, что сам вектор с одной стороны, а также совокупность трех его составляющих с другой, являются одним и тем же. Что и являет триединство. Сущность вектора и его составляющих безусловно едина. Они единосущны. Три составляющие этого вектора неспособны заменять друг друга. Таково свойство их неслиянности. Составляющие вектора связаны с ним и друг с другом абсолютно нераздельно. Этот факт здесь также совершенно очевиден. Итак, вектор в трехмерном пространстве и три его составляющие дают блистательный пример математического объекта, обладающего свойствами Троицы.

²³ Искал Аллаха — нашел Христа. История бывшего мусульманина / Набиль Куреши; [перевод с английского Н. Л. Холмогоровой]. — Москва: Эксмо, 2020. С. 250—253.

²⁴ На всякий случай развею здесь миф, который распространяют малограмотные атеисты. Концепция об образе Божьем не означает, что человек имеет с Творцом портретное, физическое или любое другое материальное сходство. Следовательно, Бог не является таким большим седовласым дедушкой, сидящем на облаках. Бог вообще не антропоморфный. Образ Божий в человеке есть его сознание, свобода, самоидентификация, чувство морали, творческий потенциал.

Отмечу, что данная система координат охватывает все точки нашего трехмерного пространства и является всеобъемлющей, а потому непостижимой была и остается не структура Троицы, но жизнь Бога в Самом Себе. Бога вездесущего и все Собою наполняющего.

Троица в логике

Полагаю, приведенных доказательств вполне достаточно для того, чтобы понять: христианское учение о природе Божества верно, осмысленно и богооткровенно. Но если у кого-то еще остались сомнения, то уделим некоторое время опровержению еще одного заявления материалистов. Некоторые из них утверждают, что вера в Бога-Троицу якобы противоречит второму закону логики.

Здесь нам следует снова вспомнить учение православной церкви о так называемых *ипостасных свойствах*, которые иллюстрируют, если угодно, форму Божественной жизни. Церковь последовательно учит, что ипостась Отца обладает нерожденностью (т.е. вечным пребыванием вне времени). Ипостась Сына предвечно (т.е. до начала времени и вне времени) рождается от Отца. Ипостась же Святого Духа также предвечно исходит от Отца.

Теперь обратимся к формулировке второго закона логики (закона непротиворечия). Она выглядит следующим образом: «два противоречивых, противоположных и несовместимых суждения не могут быть одновременно истинными». Действительно, утверждение «этот объект и черный, и не черный» нарушает упомянутый закон. Вся шумиха заключается в том, что материалисты неправильно понимают смысл учения об ипостасях.

И Отец, и Сын, и Дух являются единым Богом. Однако Отец не является Сыном, Сын не является Духом и так далее. Применим ли в таком случае второй закон логики к христианской вере? Нисколько!

Действительно, подобный взгляд на Троицу представляется достаточно странным и сложным для современного человека. Риторика слишком запутана, а без необходимого понимания создается впечатление, будто бы богов трое, а Сын рождается от Отца в привычном репродуктивном смысле. Разумеется, это не так. Подобные трудности не новы. Они встречались и в период раннего богословия. Именно по этой причине, начиная уже с апостольского века, ипостасям Отца, Сына и Святого Духа были присвоены альтернативные объясняющие наименования: Ум, Слово и Дыхание. В такой парадигме мы находим большее понимание тайны триединого Бога. Современному человеку она также окажется более понятной.

Самым наглядным примером, хоть и не полностью отвечающим Божественной реальности, является само человеческое существо. Человек также имеет ум, который генерирует (рождает) мысли. Таким образом, наш ум мы можем назвать «отцом» наших мыслей. Однако человеческие мысли неотделимы от ума, а мысль и ум единосущны друг другу. То есть образуют единое. Если нет ума (к примеру, наступила смерть мозга), то нет уже и мыслей (мыслительной деятельности).

Итак, ум есть «отец» мысли. Он «рождает» мысль постоянно. Это нескончаемый процесс жизни (а Бог есть жизнь). Данное рождение не является репродуктивным, подобно рождению от матери. Мать здесь не нужна. Достаточно «отца». Точно также и Бог-Сын рождается от Бога-Отца без матери и вне времени.

Итак, мы поняли, почему вполне уместно называть в богословии ипостась Бога-Отца умом. Но почему же Бога-Сына (который есть Господь Иисус Христос) называют Словом? Данный термин напрямую связан с верой в то, что Бог становится Человеком.

В Евангелии от Иоанна (Ин. 1:1—14), а затем и у отцов Церкви, Логос (Слово) приобретает новый, собственно христианский смысл: Логос принимает физическую плоть и становится человеком в Иисусе Христе. В природе людей происходит то же самое. Само по себе пребывание мысли в уме говорит о том, что ум эту мысль «родил». Но никто о ней не знает, никто ее не слышал и не видел (в Евангелии содержится упоминание о том, что «*Бога не видел никто никогда*»). Но как только мы нашу мысль облачаем в слова, она «воплощается». Ее можно услышать и понять. Слово есть та же самая мысль, только «принявшая плоть» (в Евангелии

далее сказано: *«Бога не видел никто никогда, но едиnorodный Сын, существующий в Отце, Он-то Его и явил»*).

Таким образом, Церковь учит, что Бог-Отец рождает Бога-Сына, который всегда был един с Ним, но во времени (в физическом мире) воплотился в Иисусе Христе. Следовательно, ум «рождает» мысль, которая «воплощается (материализуется)» в слово.

И если на данном этапе все понятно, то в случае с третьей ипостасью — Святым Духом — процесс познания оказался для людей довольно сложным. История Церкви знает множество подвидов ереси, считающей Духа лишь силой Бога, но не самим Богом. Здесь нам на помощь придет все тот же пример с человеческой природой. Святого Духа иначе можно назвать Дыханием.

Во-первых, дыхание есть прямое следствие жизни. Если человек дышит, значит он живой. Следовательно, его ум рождает мысль, которая может стать словом. Отсюда вытекает, что и ум есть следствие жизни, и слово есть следствие жизни, и дыхание есть следствие жизни. Но жизнью не три. Она одна. По похожему принципу мы утверждаем, что Единый и единственный Бог есть и Отец, и Сын, и Дух.

В результате всего вышеизложенного мы можем заключить, что христианское учение о Троице Боге не противоречит ни одной из областей научного знания, что доказывает его истинность. Материалисты просто-напросто не в состоянии проникнуть умом в христианское богословие и хоть сколько-нибудь внятно изучить объект своей критики. Зато христиане благополучно постигают современную науку, что только укрепляет живую и здоровую веру.

Не могу не обратить внимание. Церковь никогда не учила тому, что Отец является Сыном или Дух является Отцом. Зато учит, что каждая из трех ипостасей является Тем же самым Единым Богом, который не может одновременно быть и не быть Самим Собой. Ввиду этого мы наблюдаем весьма забавный факт: утверждение о том, что вера в Троицу якобы нарушает второй закон логики, есть нарушение второго закона логики.

ЧАСТЬ II КОСМОЛОГИЯ

Смена парадигм

Опыт проповеди за пределами храма научил меня одному фундаментальному принципу: с людьми, утверждающими, что материя первична, решительно невозможно вести диалог о тварном бытии, рассматривая его через богословскую призму. Собеседник начинает замыкаться уже на этапе упоминания Бога, поскольку не признает Его существования, видит в этой идее непроходимую дремучесть и, как правило, реагирует раздражительно.

Впервые я осознал это, будучи еще совсем юношей и обучаясь на первом курсе университета на факультете религиоведения, этнокультурологии и регионалистики. Опыт первой научно-богословской полемики у меня состоялся с пожилым профессором, который преподавал нам высшую математику, зачем-то вставленную в наш учебный план. Имя этого профессора я уже забыл, зато очень хорошо запомнил тот день.

Это случилось ближе к концу ноября. Погода в столице в это время года всегда стоит хмурая, сырая и промозглая. Неудивительно, что почти все на нашем маленьком курсе разом слегли с температурой. Утром в холле ВУЗа нас было всего двое: я и мой однокурсник, который, быстренько смекнув, удрал с пар прочь, пока никто из преподавательского состава не успел нас заметить. И я остался совершенно один.

Вскоре пришел профессор и, увидев лишь меня одного, не стал, тем не менее, отменять пару, а решил устроить что-то типа свободного репетиторского занятия, подсев ко мне рядом за парту. Видимо, подзадоренный тем фактом, что я изучаю религиоведение, профессор решил пощекотать мне нервы и начал безобидно меня поддевать, рассказывая, что в детстве был окружен религией и даже бывал в алтаре, но с возрастом понял, что все это чепуха, просветившись светом научного знания. Разумеется, цели своей мой преподаватель достиг.

Я пылко стал пытаться защищать свою веру, стараясь как-то отвечать на вызовы, подкидываемые мне профессором. До хоть сколько-нибудь серьезного разговора мы не дошли. Во-первых, потому что собеседник мой и не желал никакой серьезности, а просто решил развлечься, раз уж он все равно пришел на пару. Во-вторых, мы не смогли продвинуться дальше его банального утверждения: «наука доказала, что Бога нет». Вскоре преподавателю это наскучило, а я расстроился. Остаток времени мы провели, разбирая интегралы, логарифмы и производные.

Я не знаю, жив ли этот пожилой профессор сейчас. Если нет, то я искренне надеюсь, что перед смертью он вспомнил свой чистый детский опыт богопознания и покинул этот мир, примирившись с Богом, который встретил его как сына.

Теперь, спустя много лет образования и священства, я понимаю, что разговор о Боге стоило вести не с религиозных позиций, не имевших для материалиста ценности, но с позиций примирения веры и знания. Скажу даже больше. На самом деле есть неплохие шансы превратить в знание и саму веру. Или, по крайней мере, изгладить в уме атеиста ложную ассоциацию веры с мракобесием. Именно этой цели я и посвятил первую часть данной книги.

Теперь же, познав и, смею надеяться, рассудительно доказав бытие Божье, мы можем двигаться дальше. Возможно, кто-то захочет возразить, что ничего мы вовсе не доказали. Что же... наш разговор еще совсем не закончен.

В любом случае, показать, что религиозная мысль — это отнюдь не набор фанатичных выкриков, а открытая к интеллектуальному и обстоятельному анализу система, нам точно удалось.

Завершив наш разговор о Личности и Сущности Бога, мы закономерно переходим теперь к рассуждениям о том, что характеризует любую личность: о действиях и проявлениях. Очевидно, что наилучшим образом Господь проявляется именно в Своем творении.

Приведу для начала несколько цитат. Первая из них традиционно приписывается уже знакомому нам отцу и учителю Церкви Василию Великому. *«Прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Того, Кто превосходит красотой всех, и из величия этих чувственных вещей сделаем вывод о Бесконечном, превышающем всякое величие и по множеству силы Своей превосходящем всякое знание»*.

Следующую относят к высказываниям всемирно известного основателя теоретической физики Альберта Эйнштейна. *«Человек, который потерял способность удивляться и благодарить, — мертв. Знать, что существует сокровенная Реальность, которая открывается нам как высшая Красота, знать и ощущать это — вот ядро истинной религиозности»*.

Третья цитата принадлежит перу одного из самых занимательных и, на мой взгляд, незаслуженно забытых в современном богословии церковных авторов — преподобного Симеона Нового Богослова. *«Прежде, чем сотворено небо, прежде, чем произведена земля, был Бог Творец, один уединенный, Свет безначальный, Свет несозданный, Свет совершенно неизреченный... Не было ни воздуха, как ныне, ни тьмы не было вовсе, ни света, ни воды, ни эфира, ни чего-либо другого, но был один Бог — Дух совершенно световидный и вместе с тем всемогущий и неведущий»*.

Через каждое из этих высказываний красной нитью проходит одна и та же мысль: творение Божье прекрасно и в красоте своей неизменно является отблеском Его красоты. Познание одного должно неминуемо приводить к познанию другого. Если этот вектор нарушен, значит, познание не было полным или не стало познанием вообще.

Согласно учению Церкви, Бог сотворил людей для того, чтобы они могли жить с Ним, познавать Его и любить Его. Признаюсь честно, данный принцип всегда вызывал у меня своеобразное чувство восхищения и оптимизма. Бог абсолютно самодостаточен, ведь Он пребывает вне бытия и пребывал до бытия. Во всем мире не найти ничего, в чем Он действительно бы нуждался. Я постоянно держу в памяти слова одного из самых выдающихся проповедников XX века — митрополита Сурожского Антония (Блума): *«Бог нас творит, потому что мы Ему желанны, в самом теплом и самом глубоком смысле этого слова желанны. Мы Богу не нужны для того, чтобы Он Богом был; для Него нет необходимости нас вызывать из небытия. Он был бы той же полнотой самодовлеющего бытия, той же полнотой торжествующей, ликующей жизни и без нас»²⁵*.

Действительно, Бог стал Творцом просто потому, что пожелал таковым стать. Изволил разделить радость Своего бытия с кем-то еще. До человека и окружающего его мира (в относительно узком смысле этого слова) мы еще дойдем, а пока отметим, что Бог творит бытие не только для нас, чтобы привести нас в жизнь во всеобъемлющем смысле этого слова. Господь творит космос и для Себя. Он есть результат бесконечной деятельности Его разума, в котором Бог, если угодно, проявляет Себя. Вглядываясь в ночное небо, мы видим результат Его творческого потенциала и ощущаем себя частью Его замысла.

Я искренне удивляюсь, как, взирая на непостижимое творение еще более непостижимого Творца, можно видеть лишь обыденное. Разумеется, рациональное познание необходимо. Но ведь есть же еще и глубинная онтология, на которую невозможно закрывать глаза.

²⁵ Доклад в Московской Духовной Академии 1—2 декабря 1966 года. Напечатано в журнале «Церковь и время» (1991, №2).

В этой связи мне хотелось бы обратиться к феномену фанатов — людей, испытывающих повышенное влечение к определенным личностям: актерам, писателям, исполнителям. Все эти люди в некотором смысле являются творцами своих произведений. Изучая их и влюбляясь в них, фанаты страстно желают познать и самого творца, приблизиться к нему, достичь большего, чем им предлагается в рамках произведения, достичь личного. Именно поэтому фанаты караулят своих кумиров, стоят к ним в очередях, пытаются пробиться к ним только для того, чтобы получить автограф, сфотографироваться и перекинуться парой слов. Это мгновение становится для них — людей, познавших творцов через их произведения — чем-то гораздо более ценным и превосходнейшим предыдущего опыта. Но без первого не было бы и второго.

Тем более космос — творение Божественное — вызывает к познанию. Но если в ходе него не обретается стремление к Творцу, то познание это как минимум неполноценно. Повторюсь: разум, сознание и способность к познанию есть образ Божий в человеке, побуждающий изучать творение и через него постигать Творца. При таком положении дел становится очевидно: научное знание является благословением Божиим, данным нам, чтобы мы использовали его и приходили к Богу. Этот факт обязательно должен быть понят как материалистами, полагающими науку самодостаточной, так и фундаменталистами, вовсе отвергающими таковую.

Когда-то человечество верило в плоскую землю, покоящуюся на слонах и черепахе, а Вселенная представлялась маленьким черным куполом. По-моему, там еще был кит. Жаль, что это не так. Без сомнения, Юрий Алексеевич Гагарин был бы очень впечатлен лицемерием такого космического зоопарка. Увы, но эта картина мира ложная. Разделявшие ее люди были, безусловно, людьми религиозными, и подобного рода системы входили в их доктрины²⁶.

К периоду Раннего Средневековья в умах людей господствовала геоцентрическая система, рассматривавшая Землю как центр небольшого космического мироздания, вокруг которого вращалось Солнце. Подобную концепцию, разумеется, защищала Церковь, усматривая в ней согласованность с библейским откровением. В XVI веке конфликт между реальностью и подобным взглядом на мир, ставшем к тому времени исключительно религиозным и антинаучным, достиг своего апогея. От рук инквизиции пострадали многие выдающиеся ученые. В их числе знаменитый Галилео Галилей и печально известный Джордано Бруно.

Видимо, в тех далеких временах и кроются корни продолжающегося по сей день негативного отношения многих ученых к Церкви. Так или иначе, приверженцы гелиоцентрической системы мира обязаны своим становлением польскому астроному Николаю Копернику, положившему начало Первой научной революции, ознаменовавшей смену парадигм мироздания с модели геоцентрической на гораздо более обширный гелиоцентризм, не ограничивающийся одним лишь утверждением того, что Земля вращается вокруг Солнца.

В посткоперниканские времена наша планета навсегда утратила статус центра Вселенной, превратившись в элемент одной из систем — Солнечной. Человек больше не наблюдал космос из особого положения, но стал обитателем мизерной части огромного пространства. Церкви с ее страстью к монополии на государственность и научное знание ничего не оставалось, кроме как смириться с неизбежным. Она не рухнула и не исчезла. Достаточно было лишь вспомнить о своем истинном предназначении и оставить политические диктаторские амбиции.

Прошло еще несколько веков, и ныне мы наблюдаем поистине бескрайнюю Вселенную, масштабы которой невообразимы человеческому разуму, а законы так до конца и не изучены и, вероятно, полностью изучены не будут никогда. Человеческое сознание ограничено, несмотря на тот факт, что технологии и методы познания шагнули далеко вперед.

²⁶ В религиоведении существует понятие Мирового Древа — мифологического архетипа, объединяющего все сферы мироздания. Как правило, ветви соотносятся с небом, ствол — с земным миром, корни — с преисподней. Подобные космологические концепции мы находим у скандинавов, у индейцев майя, в древнем Иране и даже отчасти в иудейской Каббале.

Нас, живущих в огромном океане пространства, окружают миллиарды звезд, собранных в галактики, коих во Вселенной также насчитываются миллиарды. Мы не можем и никогда не сможем их достичь, но можем видеть и изучать. Возвращаясь немного назад, стоит отметить, что многое из окружающей нас реальности мы действительно стали понимать и воспринимать обыденно. В этом нет ничего плохого или оскорбительного по отношению к Богу, свободно даровавшему нам познание. Относительно Его бытия вся неизмеримая Вселенная действительно в каком-то смысле обыденна и рутинна. И это хорошо.

Миновали тысячи лет эволюции научного познания. Но христианство живо! Этот факт свидетельствует лишь об одном: религия не истребляется наукой, поскольку направлена на те формы познания Творца, к которым прибегают тогда, когда все остальные формы исчерпаны.

Тончайшая настройка

Возможно, кому-то это может показаться банальным и очевидным, но, рассуждая о Вселенной как о творении Божьем, следует проговорить несколько важных и неоспоримых фактов: мы существуем; мы однозначно видим космос; мы видим его именно таким, каким он является.

Теперь обратим внимание на ряд других фактов, которые уже далеко не всем кажутся столь очевидными: вся Вселенная, грандиозные масштабы которой не могут уместиться в сознание ни обывателей, ни ученых, от края до края, от первого атома и до последнего является материальным миром, или тварным бытием.

Будучи членом Союза писателей России, я неоднократно занимался написанием книг. Публиковался я много раз и в научных периодических изданиях духовных учебных заведений и светских ВУЗов нашей страны. Не так давно я поймал себя на мысли: книга является для человека одним из самых ярких вариантов творения. Именно в строках, бережно написанных на бумаге, остается частица нашего разума, нашей души, нас самих. Книга представляет собой своеобразную маленькую вселенную, созданную писателем. Изучая которую, читатели могут отчасти постигать и его самого. Рассуждая сам с собой на эту тему, я пришел и к еще одному занимательному факту: мой процесс творения в своих этапах фактически полностью отражает дело творения Божьего.

В первой главе книги Бытия мы встречаем сюжет, в котором описывается поэтапное создание мира. Неожиданно для себя я как-то по-новому взглянул на давно известные мне строки: *«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош»* (Быт. 1:3,4). В этой короткой фразе перед нами раскрывается целая последовательность: Господь замышляет, Господь реализует замысел, Господь оценивает Свое творение.

В случае с книгой происходит то же самое. Автор задумывает свое произведение, а затем разрабатывает и систематизирует его в своей голове. После этого наступает собственно процесс творения, или написания, который завершается оценкой своих трудов. Закончив книгу, я всегда просматриваю ее критическим взглядом, и когда понимаю, что она удалась, направляю рукопись в издательство. После этого «мир» моего произведения на полке книжного магазина начинает ожидать своих «обитателей», которые смогут изучить его и немного постичь самого автора.

Как мы видим, Господь поступает точно так же. Более того. Всем понятно, что без знаний, многолетнего опыта и таланта едва ли получится создать что-то выдающееся. Одни произведения, переходя из эпохи в эпоху, живут в веках. В то время как другие утопают в забвении, не прожив и трех лет. Взглянем же теперь на Вселенную! На этот дивный Божий мир — творение великого и талантливое Автора, создавшего его настолько гениально, что мир этот не перестает будоражить умы ученых уже не одно столетие.

Космос мелодичнее всех музыкальных композиций, прекраснее самых потрясающих полотен, сложнее любых формул и расчетов. Он совершенен настолько, что понравился даже Богу — пределу всякого совершенства.

«И увидел Бог, что это хорошо».

Я стоял на балконе и вглядывался в бескрайнее ночное небо, свод которого озарял яркий сияющий диск Луны.

В столице небеса уж никак не могут похвастаться чистотой, но в определенное время года свет полнолуния виден довольно ярко и отдает чем-то сказочно-мистическим. Во всяком

случае, для меня. Возможно, причиной тому детские воспоминания. Когда-то я очень любил старый советский мультфильм 1956 года «Двенадцать месяцев», созданный по мотивам одноименной пьесы Самуила Маршака. Мне особо запомнился небольшой фрагмент, во время которого девочка идет по заснеженной тропе, залитой лунным светом.

Мысли хаотично роились в голове, цепляясь одна за другую: «Вот она! Такая далекая и такая близкая. „Висит“ и никуда не девается. Такая бездушная и такая живая. Влияет на приливы и отливы, на климат, на биологические ритмы. Висит тысячи и тысячи лет, молча выполняя свою работу». Я думал тогда и о многом другом, но одна мысль выделялась особо: «Как жаль, что это не Сатурн».

Не знаю почему, но мне очень хотелось бы воочию увидеть эту планету. Не через фотографии и телескоп, а своими глазами. Чем-то таинственно манящим отзывается у меня в сердце Сатурн. Тогда, помню, спонтанно родились строки:

*О ты, обвитый кольцами, явись!
Дай зреть тебя! Увидеть Рук творенья
Того, Кто краше все стихотворений!
Хоть на мгновенье ко мне, малому, склонись.*

Стихотворение это я потом так и не дописал. И, думаю, не допишу никогда. Пусть его незавершенность станет отзвуком Вселенной, не имеющей пределов. Их ведь действительно нет в нашем человеческом понимании. Сколько еще всего там, за Сатурном. И как оно все было бы восхитительно, если так сильно потрясает даже привычная Луна...

При этом сегодня миллионы людей по-прежнему убеждены, что этот дивный и невероятно сложный мир возник лишь в результате сплетения разного рода случайностей.

И если в книге мы видим отблеск лица ее писателя, то как можно свести к холодным математическим расчетам удивительную и поистине тончайшую настройку Вселенной?

Пожалуй, на этом риторическом вопросе я немного остыну, оставлю оды и душевные порывы и вернусь к нашим рассуждениям, основанным на критическом анализе. Термин «тонкая настройка Вселенной» действительно существует. Больше того, он даже используется в научном сообществе, несмотря на то, что звучит как-то совсем литературно. Под тонкой настройкой принято понимать концепцию в теоретической физике, согласно которой в основе космоса лежат не случайные, а строго определенные значения фундаментальных констант. Занятно, но этот факт признают даже самые убежденные материалисты. Ведь факт, как известно, вещь упрямая. Далее я постараюсь изложить читателям, что же представляет собой эта пресловутая тонкая настройка бытия.

Следы этого «невообразимого нечто» мы наблюдаем буквально везде, поскольку настройка касается всего: от галактик и звезд до самых маленьких элементарных частиц. Сама структура Вселенной определяется числами. Фундаментальные константы измеримы. Это и гравитационная постоянная, и постоянная Планка, и массы электрона, нейтрино, верхнего, нижнего и странного кварка. Сюда же можно отнести и элементарный заряд, и сильное ядерное взаимодействие, и амплитуду флуктуаций скалярного поля, и многое другое.

Если вам не знакомы некоторые или даже все эти определения, не стоит переживать. Я привожу их здесь не для того, чтобы усложнить свои рассуждения, но чтобы показать, сколь много самых разных факторов должно быть учтено для того, чтобы Вселенная вообще могла существовать в привычном нам понимании, а следовательно, могли существовать и мы.

На данном этапе развития науки принято считать доказанным, что все числа, регулирующие фундаментальные константы, буквально были тщательнейшим образом выбраны и откалиброваны таким образом, чтобы попасть в невероятно узкий интервал значений, при которых

возможна жизнь. Тот, кто хотя бы один раз в жизни занимался регулированием какой-то действительно сложной аппаратуры или механизма, поймет весь смысл слова «настройка».

Мне очень бы хотелось еще раз обратить внимание читателей на факт, который, возможно, мог ускользнуть: если хотя бы одна из приведенных констант изменилась лишь на число, равное единице из «десяти в минус шестидесятой степени», то никакая (я подчеркиваю, никакая) согласованная материальная жизнь любого рода была бы невозможна²⁷.

Для большего понимания попытаюсь на примере объяснить значение числа «единица из десяти в минус шестидесятой степени». Если просто сказать, что это мало, то это все равно, что не сказать ничего. Можем ли мы невооруженным глазом увидеть клетки нашего организма? Разумеется, нет. А ведь их размер не так уж и мал, а количество равняется всего «десяти в минус четырнадцатой степени».

Впрочем, это не самое интересное. Один факт, если он верен, потрясает меня по-настоящему. По подсчетам современных физиков, количество секунд, прошедших с начала бытия, примерно равняется «десяти в минус двадцатой степени». Итак, чем больше число степени, тем меньше сама единица. 14, 20 и 60. Величина недопустимой погрешности чрезвычайно мала, а Вселенная так велика. И тем не менее это факт. Настройка действительно тончайшая.

Если бы гравитационная постоянная отклонилась на этот мизер, то весь космос либо неимоверно быстро расширился и стал бы слишком «жидким», либо просто схлопнулся бы внутрь самого себя. Результат один: ни звезд, ни планет, ни жизни. Приведу теперь несколько цитат, приписываемых современным ученым. Не хотелось бы, чтобы материалисты обвиняли меня в том, что я необъективен и апеллирую только к текстам молитв да к высказываниям древних церковных писателей.

Итак. Королевский астроном Великобритании и профессор Кембриджского университета сэр Мартин Рис отмечал: *«Всюду, куда не взглянут физики, они видят примеры тончайшей настройки»*.

Профессор Оксфордского университета, физик Дэвид Дойч говорил так: *«Если кто-то утверждает, что его не удивляют особенности Вселенной, то таковой просто прячет голову в песок! Эти особенности удивительны и маловероятны»*.

Но более всего меня поразило высказывание уже упомянутого профессора Стивена Хокинга. Когда я впервые его увидел, то долго проверял его подлинность. Я искренне не могу понять, как человек, считавший себя атеистом, мог практически буквально подтвердить существование Бога. Не понимаю до сих пор. Тем не менее Хокинг заявлял: *«Примечательно, что значения этих чисел, похоже, были кем-то²⁸ очень точно определены для того, чтобы обеспечить развитие жизни»*.

На самом деле я догадываюсь, каким образом ученый-физик и космолог умудрялся, осознавая это все, не веровать в Творца. Смею полагать, годы священнического служения дали мне некоторый опыт понимания того, как мыслят материалисты и почему все они, буквально вплотную подходя к Богу, делают затем очень странные финты, чтобы столкновения этого избежать.

Причины такого поведения более или менее понятны. О них мы уже говорили ранее. А вот на вариации уклонений от очевидного посмотреть будет действительно интересно.

²⁷ Это не означает, что не существовало бы людей. Люди в данном случае будут лишь следствием. Не существовало бы вообще ничего из того, что мы привыкли воспринимать.

²⁸ Встречаются как цитаты, содержащие слово «кем-то» (в том числе и на языке оригинала), так и без этого слова. Однако все варианты приведенного высказывания содержат слово «обеспечить». Очевидно, что обеспечивать может лишь кто-то.

Бритва Оккама

Помнят ли уважаемые читатели мой тезис о том, что буквально все в этом мире является религией? Держу пари, у некоторых из вас уже промелькнула мысль наподобие: «Да это священник просто выдает нам желаемое за действительное». А вот и нет. Мое утверждение совершенно правдиво. И господа профессора-астрофизики помогут это доказать.

Вся ирония снова кроется в фактах. Вселенная существует и существует именно такой. С этим спорить уж совсем никак не получается. В таком случае должны существовать и разумные рациональные объяснения. Нетрудно догадаться, что объяснения такие учеными были даны. Рабочих гипотез две. Тонкая настройка Вселенной объясняется либо необходимостью, либо случайностью. В рамках материализма это утверждение более чем логично. Однако есть нюанс.

Рассмотрим для начала гипотезу необходимости. Ее приверженцы утверждают, что Вселенная, если уж она есть, просто обязана быть приспособлена для жизни. И коль скоро для ее возникновения нужны определенные значения констант, то именно эти значения мы и наблюдаем.

Совершенно непонятно, каким образом данное утверждение противоречит идее разумного Создателя и зачем вместо простого объяснения пытаться городить сложное. Подобный крайне сомнительный тезис в проекции на более понятные примеры звучит следующим образом: мы наблюдаем множественные живые организмы в воде. Поэтому, если уж вода есть, то она обязана быть приспособлена для жизни.

Утверждение абсурдно. Стоит немного повысить уровень соли в воде, и жизнь перестает существовать. Неужели никто не видел Мертвого моря?²⁹ Вода может иметь совершенно разный химический состав. Точно так же и Вселенная совсем не обязательно должна быть пригодной для возникновения жизни. Скажу даже больше. Существование такой Вселенной на порядки раз более вероятно. Значения фундаментальных констант не определяются законами природы. Это логично по банальной причинно-следственной связи. Нет никаких серьезных оснований считать тонкую настройку обязательной.

Ввиду несостоятельности данной гипотезы ее не разделяет большинство ученых, что побуждает их искать альтернативное объяснение тонкой настройке. Второй версией (и в это сложно поверить) на полном серьезе считается невероятное, потрясающее, сногшибательное... везение.

Однако и здесь все не так просто. Любому мало-мальски образованному человеку ясно, что процент совпадений невообразимо мал, и пресловутое везение само в себе существовать не может. Это вынуждает некоторых энтузиастов в области естественных наук прибегать к метафизическим концепциям. Так возникла *гипотеза мультивселенной*. Ее приверженцы на глубоко иррациональном уровне утверждают, что существует бесконечное количество самых разных не пересекающихся друг с другом вселенных, представляя собой как бы множество мыльных пузырей, содержащих альтернативные реальности, схлопывающиеся и постоянно появляющиеся вновь. Таким образом, в каждом из этих бесчисленных миров могут существовать свои собственные, самые разные законы, постичь которые невозможно.

Сторонники мультивселенной заявляют, что в непостижимом множестве космосов с самыми разными вводными наша Вселенная является лишь одним из вариантов, в котором

²⁹ Автору известно о существовании простейшей жизни в Мертвом море. Речь идет о том, что для большинства организмов условия водоема непригодны из-за экстремального содержания солей. Пример с водой (как и все примеры) имеет только частичное сходство с разбираемой ситуацией. Отмечу, что в случае со Вселенной речь также в первую очередь идет непосредственно о разумной жизни типа, близкого к человеческому. Для полного соответствия назовем еще и водоемы вокруг вулкана Даллол в Эфиопии. В них полностью отсутствует биологическая жизнь из-за высокой температуры, кислотности и большой концентрации солей магния.

тонкая настройка уже не кажется столь удивительной. Мы наблюдаем наш мир именно таким, потому что именно в таком мире мог возникнуть наблюдатель. Во всех остальных случаях исходные характеристики вселенных были другие, а значит, привели к другим результатам, и наблюдать их некому. В альтернативных мирах может быть вообще все что угодно. А наш мир — это не результат тончайшей настройки, а всего лишь удачно выпавшее число из бесчисленного набора комбинаций. Этакая рулетка в космическом (даже надкосмическом) масштабе.

Звучит очень интересно и захватывающе. В настоящее время идея мультивселенной чрезвычайно популярна, но нельзя не заметить буквально вопиющий факт: гипотеза о существовании бесконечного количества альтернативных реальностей с принципиально иными законами, познать которые человечество никогда не сможет даже теоретически, — это никакая не космологическая и не физическая гипотеза. Это самая настоящая религия.

Человек, который верит (именно верит) во множество непостижимых миров, не имея никаких объективных доказательств, теряет свой статус научного атеиста и превращается в верующего, заменив концепцию невидимого и непознаваемого Бога на концепцию невидимых и непознаваемых вселенных.

Мне хотелось бы задаться риторическим вопросом: по какой причине верующий в мультивселенную и не имеющий никаких реальных доказательств, кроме весьма сомнительных и притянутых за уши косвенных рассуждений, считается приверженцем современной и адекватной научной точки зрения? И по какой причине верующий в существование Единого Высшего Разума, все сотворившего, считается отсталым мракобесом? Особенно учитывая тот очевидный факт, что в пользу бытия Божьего наблюдается несоизмеримо большее количество косвенных доказательств.

Разумеется, внятного ответа я давно не жду. Вместо этого мне хотелось бы обратить внимание читателей на два любопытнейших факта. Во-первых, даже идея множества альтернативных вселенных никак не противоречит существованию Бога, пребывающего вне их всех и над ними всеми. Во-вторых, то, что сейчас выдается за смелую и прогрессивную научную гипотезу, уже давным-давно было известно в истории религии.

Так, в священных текстах буддизма — Палийском Каноне — множественные миры не раз упоминаются. *«Там <...> простирается система тысячи миров. В этой системе тысячи миров существует тысяча лун, тысяча солнц, <...> тысяча континентов, тысяча небесных миров»³⁰.*

Гораздо более интересным образом дела обстоят в индуизме. Адепты данной религиозной системы вообще не видят никаких противоречий между существованием Бога и множественностью альтернативных реальностей. Что, собственно, и требовалось доказать. *«Ты самый великий, Ты — начало, середина и конец бытия, но Сам не имеешь начала, середины и конца. Ты существуешь, когда не существует ничего. Ты неизменен, Ты всюду — и здесь, и там, где ничего нет. В бескрайнем пространстве плавает бесчисленное множество яйцеобразных вселенных наподобие нашей, что покрыта слоеной скорлупой стихий, каждая из которых в десять раз толще предыдущей. Но в сравнении с Тобою, безграничным, они — крошечные былинки»³¹.*

Как мы можем видеть, все вышесказанное подтверждает мои слова о религиозности якобы научных концепций о параллельных мирах. Лично я не отрицаю такой возможности, поскольку она не только не опровергает, но, наоборот, свидетельствует о величии Божьем. Сводить же данную гипотезу к случайности невообразимых масштабов по меньшей мере неразумно. В любом случае совершенно непонятно, зачем логичный и стройный предмет веры заменять на гораздо более концептуально сложный, «сырой» и ничего толком не дающий предмет той же самой веры.

³⁰ Косала Сутта АН 10:29.

³¹ Бхагавата-Пурана 6.16.36—37.

В этой связи мне хотелось бы обратиться к одному из базовых принципов редукции сознания, который носит название «бритва Оккама». Он приписывается английскому монаху-францисканцу Вильяму из Оккама и получил широкое распространение в разных сферах методологии. В оригинальном варианте принцип звучит следующим образом: *«Не следует множить сущности без необходимости»*.

В этом смысле бритва (лезвие) понимается как некий интеллектуальный инструмент, помогающий отсекаать маловероятные, неправдоподобные и маргинальные объяснения.

В современной методологии науки (эпистемологии, гносеологии, а также философии) принцип бритвы Оккама может быть сформулирован в следующих вариантах: *«Если существует некоторое количество непротиворечивых объяснений чего-либо, то следует предпочесть наиболее простое и очевидное из них»* и *«Если говорящий для доказательства своей позиции вынужден прибегать к сомнительным утверждениям или конспирологии, то он определенно доказывает что-то не то и как-то не так»*.

Мне могут возразить, что сама идея Бога не соответствует принципу бритвы Оккама. Очень популярный, но ложный тезис. В отличие от идеи мультивселенной, вера в Бога не противоречит *принципу очевидности*, или «принципу всех принципов», сформулированному немецким философом Эдмундом Гуссерлем. Да, собственно, не противоречит она и бритве Оккама.

Предлагаю читателем провести мыслительный эксперимент. Предположим, что к столбу привязан человек. Ему в голову одновременно целится отряд из ста профессиональных снайперов, вооруженных высокоточными винтовками. По приказу все они одновременно нажимают на курок. Привязанный человек остается жив и невредим. Для объяснения случившегося мы можем прибегнуть к разного рода способам:

— Сделать ставку на невероятное и потрясающее везение, начав вычислять траектории полета пули, вероятность попадания одной в другую, процент возможных поломок и осечек винтовок, утопая в формулах и уравнениях и закрывая ими объективное удивление.

— Заявить о наличии параллельных миров, в каждом из которых выстрелы произошли, и реализовались все возможные варианты попадания. Однако в этих реальностях человек умер, а значит, и удивляться случившемуся никто не может.

— Прибегнуть к конспирологии и постараться «раскрыть заговор снайперов».

А можно последовать принципу очевидности и принципу бритвы Оккама и сделать наиболее вероятное и адекватное предположение, сказав, что кто-то заранее зарядил все винтовки холостыми патронами.

Ровно тот же самый принцип применяется к факту тончайшей настройки Вселенной. Можно сколько угодно заявлять об изначальной необходимости и неизбежности такой настройки. Можно предлагать сложные, малопонятные и замысловатые концепции мультивселенной, засыпая всех расчетами и убеждая в редчайшем везении нам как наблюдателям. А можно вновь последовать принципу очевидности и принципу бритвы Оккама, сделав наиболее правдоподобное утверждение: результат видимой нами Вселенной с ее тончайшими характеристиками, тонко выверенными для зарождения жизни, есть результат замысла могущественного Разума, которого мы называем Бог-Творец.

В голубом вертолете

Занятно, что при правильном прочтении именно о Боге говорит и знаменитый *антропный принцип*. Мы снова возвращаемся к удивительному умению материалистов делать странного рода и вида финты, приближаясь к идее Создателя. Распространенное прочтение антропного принципа даже обрело довольно устоявшееся название — *слабого*. Мы уже упоминали его: «Мы видим мир таким, потому что только таким мы и можем его видеть». Но все меняется, когда в силу вступает гораздо более глубокое прочтение — или *сильный* антропный принцип: «Наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия».

Подобный подход, сформулированный в 1983 году американским физиком-теоретиком Джоном Уилером, прекрасно коррелирует с вероучением Церкви, отраженным во множественных богослужебных гимнах: Бог из небытия все творит для бытия. Действительно, разумная жизнь — это подлинный источник и одновременно квинтэссенция всего.

Вопрос скорее философский, но не задать его нельзя: будет ли творение обладать подлинным бытием, если бытие это некому увидеть и осознать? Богословие дает на этот вопрос однозначно отрицательный ответ. Будучи самодостаточным торжеством жизни во всей ее полноте, Господь в Своем творческом акте выходит как бы за рамки Себя Самого, изливая жизнь вовне и желая явить ее еще чему-то или кому-то.

Именно сильный антропный принцип разом отменяет и теорию хаотичных и самопроизвольных множественных вселенных, и атеистический концепт отрицания Бога, и случайность в тонкой настройке Вселенной. Я бы даже рискнул назвать этот принцип пятым Евангелием при соблюдении правильности его прочтения и отказа от уклонений перед лицом очевидности.

Итак, Наблюдатель необходим для обретения Вселенной бытия. Факт заключается в том, что мы существуем и существует Вселенная. Следовательно, она явилась результатом деятельности Живого Создателя, пожелавшего распространить Свою жизнь вовне и сделавшего это по свободному замыслу.

На этом месте мне хотелось бы рассмотреть один из материалистических тезисов, который мне представляется в высшей степени наивным, но перед которым почему-то пасуют очень многие. Заявление выглядит примерно следующим образом: «В том случае, когда законы природы благоприятны для существования и возникновения жизни, вероятность вмешательства в эти процессы некоего разумного творца ниже, чем в случае произвольных законов природы, при которых жизнь все же существует, потому что в первом случае во вмешательстве творца меньше необходимости».

Когда я сталкиваюсь с подобными заявлениями, признаюсь, мне трудно сдержать улыбку. Мыслящие таким образом люди как-то очень странно представляют себе Бога.

В рамках предлагаемого утверждения, призванного опровергнуть Разумного Творца, происходит прямо противоположное и опровергается творец неразумный, который движим не желанием разделить с кем-то полноту своей подлинной жизни, а поупражняться во всевластии. Получается такой своеобразный волшебник на голубом вертолете: «На Венере температура 462° С, атмосфера из серной кислоты, а люди у меня там все равно живут. Потому что фокус! Потому что мне весело!».

Важно вновь проговорить один из основополагающих постулатов: христианство верует в Разумную Личность, которая движима замыслом и для его реализации прибегает к строго согласованным действиям, приводящим к результату.

В православном богословии данная концепция носит название *домостроительства Божьего*, или *предвечного Божественного плана*, в соответствии с которым Бог создает мир, печется о нем и ведет его к конечной блаженной цели, потому что Сам благ.

Справедливости ради стоит отметить, что в истории религии существовали учения, которые отражают разбираемый нами тезис. Особо известным стал гностицизм — собрание всевозможных и плохо сочетающихся между собой религиозных и философских идей, возникших в конце I века — который христианство однозначно классифицировало как ересь. В гностицизме возникает учение о злом и неразумном Демиурге. Ограниченный пределами душевного бытия, он оказывается не способен непосредственно созерцать умопостигаемые идеи и не знает истинной природы вещей. Поэтому, создавая мир, он не осознает, что творит, и раз за разом ошибается, создавая хаотичное и произвольное.

Повторюсь: Бог христианской веры — это Бог разумный, «взрослый» и самостоятельный. Он отдает Себе отчет в своих действиях и не творит просто ради творения или ради забавы. Результат строго выверенного Божественного плана мы наблюдаем в окружающем нас мире повсюду.

В детстве, когда мне было лет девять, мы с соседскими ребятами катались на велосипедах. Родители, помню, купили мне хороший красный импортный велосипед, который я с удовольствием вынес во двор. Очень скоро я понял, что радость мою особо разделять никто не собирается, а один из мальчишек, катавшийся на старенькой «Десне», стал подначивать меня учиться ездить без рук. С руками, мол, любой дурак может.

Быть может, я и дурак, но был не из хвастливых и искренне не мог понять, почему так сложно просто порадоваться и провести время вместе. Теперь-то я понимаю, что паренек тот просто не мог принять, что у кого-то есть новенький велосипед. Если честно, грустно это осознавать, но в отношении с Богом происходит все то же самое. Мы так и не смогли принять радости Его бытия. Едва-едва немного поумнев, люди все свели к банальному: «Ты нам на Марсе организуй! На Земле-то любой может».

Признаюсь, мне жаль, что приходится серьезно обсуждать такие странные заявления, которые делают люди, позиционирующие себя учеными интеллектуалами. Согласные с утверждением «при благоприятных для жизни законах природы Бог не нужен, в отличие от законов неблагоприятных» на самом деле просто оставляют себе лазейку. Она действительно очень удобна, ведь полностью исключает признание собственной неправоты.

Даже если предположить, что на какой-то далекой планете, совершенно непригодной для человеческой жизни, в результате длительной реализации Божественного плана появилась разумная жизнь, которая смогла приспособиться к местным условиям, то представители такой также могут заявить: «Нет ничего особенного и сверхъестественного в том, что мы здесь живем. Бог тут ни при чем!».

Полагаю, в дальнейшем разборе столь вызывающего, но ничем не обоснованного материалистического заявления смысла нет никакого. Однако раз уж наш разговор принял такой оборот, коснусь еще одной проблемы, которая связана с этой частью наших рассуждений и которую я наблюдаю уже достаточно давно.

Открытия в области современной физики и достижения в биологии действительно можно назвать передовыми. За последние полтора-два века человечеству и правда удалось достичь небывалых высот в исследовании окружающего мира. Разумеется, предыдущие несколько десятилетий были самыми продуктивными. В настоящее время ученые в состоянии построить сложные причинно-следственные связи, объяснить природу огромного количества явлений и процессов и связать все это в стройную последовательную систему.

При таком положении дел все большую популярность набирает утверждение: «Любые процессы и явления, начиная с момента возникновения Вселенной, превосходно описываются самими собой или предшествующими им процессами и явлениями». Увы, но на подобные

тезисы многие верующие реагируют весьма агрессивно, пытаясь обвинить науку в безбожии и тем самым роняя авторитет Церкви в глазах и без того негативно настроенных к ней людей.

Проблема, как всегда, кроется в банальном незнании или ложной интерпретации людьми церковного вероучения и принципов богословия. И если материалистам это простительно, то верующим людям следует быть внимательней и верить осознанно.

Не так давно я с удовольствием прослушал двухчасовую лекцию одного французского астрофизика. В ходе своего выступления профессор грамотно и лаконично разложил по полочкам все процессы, происходившие в ходе развития Вселенной, закончив самыми ранними из них. Особый интерес у меня вызвали умозаключения о том, что в ряде физических теорий допускается возникновение чего-либо из ничего. В частности, из пустоты или вакуума. На самом деле с подобными теориями я уже неоднократно встречался, но в этот раз изложение было максимально последовательным. Но с еще большим интересом я обнаружил, что по завершении лекции каждый из нас сделал принципиально разные выводы. И если я воскликнул в уме: «Дивные дела Твои, Господи», то господин профессор заявил: «Как мы видим, для возникновения и формирования космоса нет никакой необходимости в Создателе».

Всякий раз, когда я вижу стройную цепь умозаключений, которая удивительным образом приводит к принципиально неправильному выводу, я понимаю, что люди очень хорошо подкованы в естественных науках, но совершенно превратно понимают идею Божественного созидательного акта.

Православная Церковь действительно говорит о Боге как о Творческом Начале. Однако я бы позволил себе несколько переформулировать данное утверждение. Точнее говоря, внести в него некую пояснительную ремарку. Нередко случается так, что формулировку о творческом начале уместнее опустить и сказать, что Бог — это интенционное начало. Интенция (намерение) представляет собой направленность сознания на что-либо и, в отличие от желания, понимается как задуманный план действий и проявляется в виде замысла.

Этот концепт крайне важно осознать. В таком и только таком ключе можно говорить о Боге как о Творческом Начале. Христианское богословие настаивает на том, что Господь в Своих делах не зависим ни от какой материи и что творение (а значит, и любые его элементы) не совечны Творцу. Нет никакого противоречия в том, что, согласно некоторым теориям физики, все могло возникнуть из ничего. Более того, именно так оно и возникло. Вновь приведу уже известную нам фразу о том, что Бог из небытия все приводит в бытие. Напомню, что небытие есть абсолютное ничто, нашему материальному пониманию неподвластное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.